

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ОСТ 23 1979

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

LXXV

1888

ИСТОРИЯ

О

СЛАВНОЖЪ КОРОЛЪ БРУНЦКЪ

СООБЩИЛЪ

М. ПЕТРОВСКІЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, В. О., 9 Л., 12

Сколько лѣтъ, или, вѣрнѣе, столѣтій, наслаждаются чехи рассказами о князьяхъ, будто бы чешскихъ—Штильфридѣ и Брунцвикѣ—мы незнаемъ; знаемъ достовѣрно одно, что назадъ тому триста двадцать лѣтъ слишкомъ они имѣли уже возможность читать похождения этихъ князей въ печати, а старѣйшей рукописи съ текстомъ приключеній Штильфрида и Брунцвика придется накинуть еще лишнюю сотню лѣтъ. Чехи зачитывались и зачитывали до уничтоженія и печатныя и рукописныя хроники объ этихъ князьяхъ, а съ первой половины прошлаго столѣтія по настоящіе дни народъ чешскій постоянно подновлялъ въ своей памяти эти рассказы новыми перепечатками и даже нѣмецкимъ переводомъ. Сначала зачитывались ими великіе чешскаго міра—магнаты, рыцари и люди, нечуждые литературнаго образованія, да такъ зачитывались, что еще за два года до появленія хроникъ о Штильфридѣ и Брунцвикѣ въ печати, извѣстный чешскій путешественникъ ко святымъ мѣстамъ Ольдрихъ Префатъ изъ Влканова, въ предисловіи къ своимъ путевымъ запискамъ, совѣтовалъ чехамъ читать его «простыя замѣтки».... «вмѣсто Брунцвика и хроники о Штильфридѣ, и вмѣсто другихъ бесполезныхъ стихотвореній». Совѣтъ былъ данъ въ 1563 году, а въ 1565 г.

забракованная ученымъ мужемъ хроника или хроники вышли въ свѣтъ въ Оломуцѣ. Сколько читателей нашла эта печатная хроника видно отчасти изъ того, что это первое изданіе извѣстно только по слуху¹. Издавались ли Штильфридъ и Брунцвикъ въ XVII столѣтіи, неизвѣстно, а съ начала XVIII столѣтія хроника дѣлается любимѣйшей книгой у чеховъ, пережившей своихъ родичей по линіи сѣверозападнаго и югозападнаго европейскаго романтизма. Въ 1738 году она переиздается въ Индриховѣ градцѣ, послѣ—въ Прагѣ, Прибрамѣ, Брнѣ, Скалицѣ и въ другихъ городахъ, даже безъ обозначенія мѣста печати. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія Добровскій, упоминая въ числѣ другихъ продуктовъ чешскаго романтизма хроники о Штильфридѣ и Брунцвикѣ, замѣтилъ, что онѣ продолжаютъ перепечатываться, читаться и раскупаться, но «уже служатъ развлеченіемъ простаго народа», и что «съ той поры, какъ чешскія дамы и дѣвицы перестали читать по чешски, эти романы сдѣлались любимѣйшимъ чтеніемъ чешскихъ служанокъ»². И сейчасъ чешскій людъ читаетъ эти произведенія въ новѣйшихъ передѣлкахъ. Отъ чеховъ, въ давнюю еще пору, эти хроники могли перейти къ сосѣдямъ словакамъ, отъ которыхъ, думаютъ, и заимствованы были мадьярами; въ мадьярскомъ переводѣ онѣ появляются очень рано. У поляковъ и другихъ славянъ въ Австріи, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не видно слѣдовъ знакомства съ Штильфридомъ и Брунцвикомъ, но за то, сверхъ ожиданій, помимо польскаго посредничества, на русскомъ языкѣ, не позднѣе начала XVIII столѣтія, появляются въ различныхъ спискахъ похождения одного изъ вышеупомянутыхъ героевъ, именно — Брунцвика. Чѣмъ же

1) Hanuš: Dodavky a doplňky k Jungmannově historii literatury české. II 16 (V Praze. 1871).

2) Gesch. d. böhm. Sprache u. Litteratur. Prag, 1792, стр. 153.

привлекали къ себѣ вниманіе чеховъ, начиная отъ рыцарства и оканчивая служанками, эти романы, появившіеся въ свѣтъ въ эпоху разцвѣта романтической поэзіи въ Европѣ? Какіе народные идеалы выражались въ ихъ дѣятельности? Въ чемъ заключался интересъ разсказа о похожденияхъ этихъ quasi-чешскихъ героевъ?

Прежде всего перескажемъ въ немногихъ словахъ содержаніе хроникъ о Штильфридѣ и Брунцвикѣ, а затѣмъ изложимъ мнѣнія чешскихъ ученыхъ о происхожденіи самыхъ сказаній и постараемся обозначить тѣ черты ихъ, которыя увлекали читателей и находили почитателей.

Жилъ былъ въ Чешской землѣ князь Штильфридъ, женатый на дочери короля Ломбардскаго (Lambarského) — Теодорѣ, отъ которой и имѣлъ сына, по имени Брунцвикъ. Однажды Штильфридъ говоритъ женѣ, что, наученный предками возвеличивать славу и честь чешской націи, онъ отправляется на поиски за славою землѣ своей, чтобы пріобрѣсти нравственное право на замѣну котла, изображеннаго на щитѣ его, орломъ. Дѣйствительно, онъ отправляется, живетъ при различныхъ княжескихъ и королевскихъ дворахъ, и нигдѣ не находитъ равнаго себѣ по мужеству. Во время пребыванія его при дворѣ Неаполитанскаго (Napulanského) короля Астронома (Astronomus), на земли этого послѣдняго напалъ король Месопотамскій или Англійскій (Mezopotanský anebo Englický) по имени Философъ (Filosofus). Астрономъ готовъ уже покориться превосходству силъ непріятеля, но Штильфридъ возстаетъ противъ такого отчаяннаго рѣшенія и совѣтуетъ Астроному двинуться съ войскомъ противъ сильнѣйшаго Философа, и предлагаетъ Астроному войти съ непріателемъ въ такую сдѣлку: предложить врагу, чтобы противники выставили по двѣ тысячи коней, на которыхъ было бы навьючено по тысячѣ гривень золота. Этотъ обоюдный закладъ долженъ былъ достаться

тому изъ воюющихъ, кто одержитъ верхъ въ борьбѣ, рѣшаемою однимъ рыцаремъ со стороны Астронома и двѣнадцатью рыцарями со стороны Философа. Астрономъ, конечно, сомнѣвается въ успѣхѣ такого предпріятія, но Штильфридъ самъ берется «побить» двѣнадцать вражескихъ рыцарей «при помощи св. Вацлава», патрона чешской земли. Англійскій король соглашается на такой выгодный для него турниръ и избираетъ двѣнадцать рыцарей для поединка съ Штильфридомъ. Онъ избираетъ Симфориана изъ Левштита, Липольта, воеводу (герцога) Австрійскаго (Rakúský), Рудольфа, Тыпартита (Typartitus), воеводу греческаго (Řecký) маркграфа Теобальда, Тристрама изъ Опочавъ, Питопаса изъ Межиградья (z Mezihradie), Адриана, пана Африканскаго (Africký), Брынду—маркграфа Тасскаго (z Tas), Бенедикта, князя Тирскаго (knieže Tuřské), Надершпана, пана Угорскаго, Жибрида, князя Темарскаго (по Фейфалику—Fürst von Tememark). Избравъ этихъ рыцарей, Англійскій король обѣщаетъ имъ денежныя награды, почетъ и дружбу, даже дочь свою. Начинается поединокъ. Рыцари по одиночкѣ хвастливо вызываютъ на поединокъ Штильфрида, который, заготовивъ двѣнадцать разноцвѣтныхъ значковъ, бьется успѣшно «при помощи Божіей и св. Вацлава» съ противниками, и по одиночкѣ всѣхъ ихъ побиваетъ. По окончаніи поединка онъ падаетъ на колѣна, благодаритъ Бога и св. Вацлава и велитъ развернуть «свою чешскую хоругвь, на которой былъ изображенъ котелъ въ огненномъ полѣ». Только тогда князья и короли узнали, что Штильфридъ—князь чешскій. Астрономъ, глубоко тронутый скромностью Штильфрида и пораженный его мужествомъ, обѣщаетъ выполнить всяческое его желаніе, въ чемъ бы оно ни заключалось, а Философъ, снявъ съ головы корону, почтительно склоняется предъ Астрономомъ и Штильфридомъ, и уступаетъ имъ свое королевство; но Астрономъ, по совѣщаніи съ Штильфридомъ,

отказывается отъ этого, обязавъ англійскаго короля подпиской не воевать болѣе противъ Неаполитанскаго королевства, и, въ нуждѣ, помогать своимъ войскомъ. И тогда-то Штильфридъ сказалъ: «помни, король, что ты мнѣ позволилъ высказать свое желаніе: я забочусь не о богатствѣ, а о славѣ языка (народа) чешскаго и моего единственнаго сына Брунцвика, и прошу даровать мнѣ гербъ короля англійскаго, то есть чернаго (въ рук. червонаго) орла въ золотомъ полѣ, вмѣсто этого котла, который я ношу на щитѣ своемъ». Неаполитанскій (Napulsky) король тотчасъ же приказываетъ стереть котелъ на щитѣ, а на хоругви Штильфрида и на всѣхъ его значкахъ (prarogsích) изобразить чернаго орла въ золотомъ полѣ. Послѣ этого Штильфридъ отправляется въ Чехію, а паны чешскіе торжествуютъ при извѣстїи, что князь ихъ прославилъ себя и чешское имя. Астрономъ оставялъ у себя Штильфрида, предлагая ему при своей жизни полцарства, и обѣщая все царство по смерти, но Штильфридъ не согласился, и прибывъ, къ радости всей чешской земли, домой, приказалъ по всѣмъ городамъ, на всѣхъ городскихъ воротахъ изображать орла въ золотомъ полѣ. Король Астрономъ, провожавшій Штильфрида до Чехїи и торжественно встрѣченный тамъ, когда увидалъ сына Штильфридова, Брунцвика, сказалъ послѣднему, что отдалъ бы за него дорогую дочь свою Неоменію. Вскорѣ затѣмъ она прибыла въ Чехію, гдѣ торжественно и отпраздновалась свадьба Брунцвика и Неоменїи. Послѣ того Штильфридъ скончался и Брунцвикъ сдѣлался княземъ Чехїи.

Прозаическій рассказъ о Штильфридѣ настолько удержалъ въ себѣ слѣдовъ римованнаго произведенїя, что легко можетъ быть возстановлена его первоначальная стихотворная форма. Извѣстный антагонистъ подлинности Краледворской рукописи Фейфаликъ указалъ нѣсколько стиховъ изъ «Людиши и

Любора» краледворской рукописи, встрѣчающихся въ Штильфридѣ¹.

Въ Брунцвикѣ незамѣтно слѣдовъ прежней стихотворной формы. Содержаніе его слѣдующее: Брунцвикъ вступаетъ на чешскій престолъ по смерти отца своего, и, какъ Штильфридъ, въ поискахъ славы народу своему, уѣзжаетъ изъ Чехіи, оставивъ дома супругу свою Неоменію, и обѣщаясь возвратиться не позже, какъ чрезъ семь лѣтъ; онъ странствуетъ со свитой по морю и попадаетъ на агатовую гору, имѣющую свойство притягивать къ себѣ всѣ предметы, отстоящіе отъ нея на пятьдесятъ миль въ окружности. Всѣ спутники, за исключеніемъ старика Балада, гибнутъ отъ голода. Баладъ, не видя иной возможности для Брунцвика выбраться съ этого острова, заливаетъ Брунцвика въ конскую шкуру, въ чаяніи, что птица ногъ (поh) скоро прилетитъ на гору и унесетъ Брунцвика. Соображеніе Балада сбывается: ногъ уноситъ Брунцвика въ гнѣздо къ своимъ дѣтенышамъ, которыхъ Брунцвикъ и убиваетъ. Во время блужданій по «пустымъ горамъ», куда былъ занесенъ ногомъ, Брунцвикъ встрѣчаетъ льва въ борьбѣ съ дракономъ, и, принявъ сторону льва, осиливаетъ дракона, послѣ чего признательный левъ не оставляетъ Брунцвика, находитъ для него пищу и цѣлительные корни. Достигнувъ моря и устроивъ себѣ плотъ, Брунцвикъ

1) Для образца приводимъ два мѣста:

Штильфридъ:

A když ta dva dobrá druhy proti
sobě hnásta, prudce koně k sobě pu-
stista...

Tuť se prudce v hromadu srazista,
až obě dřevě o se zlámasta.

K němu se Štilfrid přiboči, da jemu
ránu že za kuoň na tři kopí skoči;
dobyv meče silně jej práše...

Людиша и Люборъ:

Prudko protiv sobě hnásta,
dlúho spolu zápasista,
ež dřevce oba zlámasta.

Lubor sě k němu přiboči,
mečem kruto v helm mu seče,
helm sě rozskoči v dva kusy,
mečem v meč uderi ránu.

(Über die Königinhofer Handschrift. Wien, 1860, стр. 57).

желаетъ отдѣлаться отъ льва; воспользовавшись тѣмъ, что левъ отправился на ловлю, Брунцвикъ отплываетъ отъ берега, но его въ морѣ настигаетъ левъ съ добычей и взбирается на плотъ. На пути Брунцвику встрѣчается свѣтящаяся гора Карбункулъ, а вслѣдъ за нею стоящій въ морѣ замокъ, въ которомъ живетъ Олибріусъ, господствующій надъ морскими чудищами и владѣющій желѣзными воротами, черезъ которыя только и возможно Брунцвику попасть въ свое отечество. Олибріусъ соглашается пропустить Брунцвика черезъ эти ворота, если онъ освободитъ изъ неволи дочь Олибріуса—Африку, похищенную дракономъ Василискомъ (Basiliskus) и заключенную въ замокъ за тремя воротами. Эти ворота стереглись страшными звѣрями. Брунцвикъ, при помощи льва, одолеваетъ и чудовищныхъ стражей и Василиска и освобождаетъ Африку; но Олибріусъ не исполняетъ своего обѣщанія и женить Брунцвика на своей дочери. Брунцвикъ случайно находитъ въ подвалѣ старый мечъ, беретъ его себѣ, а свой оставляетъ на мѣстѣ найденнаго, и узнаетъ отъ Африки, что это необыкновенный мечъ, что стоитъ только сказать ему: «голову долой!» — и мечъ немедленно исполняетъ волю владѣющаго имъ. Брунцвикъ на какихъ-то морскихъ чудовищахъ испытываетъ это свойство меча, затѣмъ пользуется имъ при своемъ освобожденіи изъ-подъ власти Олибріуса, и черезъ желѣзные ворота достигаетъ моря; снова пускается въ море; на одномъ островѣ встрѣчается съ вѣчно пляшущими духами Асмодеями, а потомъ на другомъ островѣ встрѣчается съ Астріоломъ, царемъ невидимокъ (?), котораго, и тоже при помощи чудеснаго меча, вынуждаетъ доставить его, Брунцвика, вмѣстѣ со львомъ, въ Чехію. При появленіи въ Прагѣ въ одеждѣ пустытника, онъ попадаетъ на свадьбу жены своей Неоменіи съ княземъ Клеофашемъ (Kleofaš). Чтобы дать знать Неоменіи о своемъ возвращеніи, онъ на свадебномъ пирѣ опу-

скаеть перстень свой въ сосудъ, изъ котораго пьютъ новобрачные, и удаляется. Неоменія узнаеть о возвращеніи Брунцвика; Клеофашъ со свитой бросается въ погоню за Брунцвикомъ и настигаетъ его, но чудесный мечъ поражаетъ всѣхъ враговъ; Брунцвикъ торжественно въѣзжаетъ въ Прагу и велитъ бѣлаго льва въ красномъ полѣ считать гербомъ чешской земли. Затѣмъ Брунцвикъ, оставивъ послѣ себя сына Владислава (Ladislav) — умираеть. Левъ не можетъ пережить своего господина и умираеть на его могилѣ.

Таково содержаніе обѣихъ хроникъ о сказочныхъ князьяхъ чешскихъ, хотя и подвижныхъ одной идеей славы земли чешской, но замѣтно отличающихся другъ отъ друга, вопреки желанію писателя или писателей. На сколько оказывается мужественнымъ отецъ, на столько же боязливымъ представляется сынъ. Препятствія, являющіяся ему на каждомъ шагу, ставятъ его безпрепятственно втупикъ. Хоть онъ и задался мыслью сдѣлать льва эмблемою государственной доблести, но и послѣ услугъ, оказанныхъ львомъ, при видѣ его привязанности, онъ труситъ этого льва. Онъ начинаеть «страшиться» въ самомъ началѣ своихъ походовъ, когда его выбросило на магнитный (агатовый) островъ; «груститъ», когда начинаеть ощущаться недостатокъ въ пищѣ; «печалится» при видѣ скучной перспективы безвыходно остаться на островѣ. Очувшись на «пустыхъ горахъ», послѣ борьбы съ птенцами нога, онъ «бѣжитъ въ великомъ страхѣ»; влѣзши на дерево отъ любезнаго преслѣдованія льва, онъ «сваливается съ дерева отъ великаго страха» при рычаніи льва; на него нападаетъ «великій страхъ» при встрѣчѣ съ королемъ Олибриусомъ и его чудовищными подданными. Только заручившись «дивотворнымъ», какъ говорятъ чехи, мечемъ или мечомъ кладенцомъ, какъ читается въ рукописи походовъ Брунцвика петербургской Публичной библіотеки, онъ дѣлается смѣлѣе, и «при помощи Божіей»

не трусить встрѣчающихся ему на пути препятствій. Всюду выручаютъ его не тотъ «великій разумъ», который приписывается ему въ заглавіи русскаго перевода, а посторонніе предметы и существа: то Баладъ, то ногъ, то левъ, то Африка, то чудесный мечъ. Словомъ, если Штильфридъ рисуется въ хроникѣ желѣзнымъ нѣмецкимъ рыцаремъ, смѣло идущимъ на опасность, то Брунцвикъ является мягкимъ славянскимъ княземъ, готовымъ «по примѣру предковъ» биться за славу государства, но смущающимся при каждой неожиданной встрѣчѣ. Если Штильфридъ, плохо переложенный на чешскіе нравы, является рыцарскимъ нѣмецкимъ романомъ или поэмой, со всѣми народными средне-вѣковыми аксессуарами и эмблемами, то Брунцвикъ представляется какъ бы самодѣльнымъ славянскимъ сказаніемъ, скроеннымъ изъ заграничной матеріи и сшитымъ бѣлыми нитками. Штильфридъ могъ нравиться ритирамъ чешскимъ; Брунцвикъ, при разнообразіи содержанія, былъ по плечу каждому грамотному мѣштяну и селькѣ. Стихъ, безпрестанно просвѣчивающій въ прозаическомъ разсказѣ о Штильфридѣ, убѣждаетъ въ стихотворной формѣ образца; отсутствіе стихотворныхъ слѣдовъ въ Брунцвикѣ говоритъ въ пользу бѣльшей, сравнительно, оригинальности произведенія. Штильфридъ не удостоился перевода на русскій языкъ, вѣроятно, вслѣдствіе своего специфически-романтическаго склада; болѣе пассивный Брунцвикъ могъ болѣе нравиться русскому читателю вслѣдствіе занимательности своихъ похжденій, напоминающихъ чудесныя приключенія героевъ всѣхъ славянскихъ сказокъ¹.

1) Штильфридъ забывался чехами, и Брунцвикъ издавался отдѣльно. Изъ самыхъ позднихъ изданій укажемъ напр. на Пражское, безъ означенія года: *Brunecvík a jeho lev. Kratochvilné vypsání podivnýchъ příhod a činův jednoho českého knížete. V Praze, u Jana Spurného (Knihopisný slovník. Vyd. Doucha, стр. 18).*

Появленіе Штильфрида и Брунцвика относятъ къ XIII или XIV столѣтіямъ. Въ эпоху Отокаровъ чешскихъ (1192—1278) рыцарская поэзія, поэзія феодализма, достигаетъ на западѣ полнѣйшаго разцвѣта. И въ Чехіи дворцы князей и замки феодаловъ дѣлаются представителями чужеземной культуры и средоточіемъ литературныхъ «развлеченій», съ чуждымъ дотолѣ содержаниемъ, характеромъ и техникой. Латинь на время уступаетъ германскому элементу. Чешская шляхта, какъ и шляхта каждой данной націи, первая увлекается чужеземщиной. У нея, какъ и при дворѣ королевскомъ, гостятъ миннезингеры, воспѣвающіе на новый ладъ и любовь къ женщинѣ и подвиги поворожденнаго рыцарства. Сами главы государства пишутъ нѣмецкіе вирши въ новомъ романтическомъ вкусѣ. вмѣсто Александра Македонскаго появляется миѳическій король Артусъ съ своими сподвижниками. Эти герои средневѣковой литературы, увлекавшіе высшее сословіе чеховъ, были чужды массѣ, были понятны ей менѣе, нежели слѣдующія за ними, болѣе позднія произведенія рифмованной прозы въ родѣ Штильфрида, и, очевидно, послѣ Штильфрида уже появившагося Брунцвика. И только патріотическая тенденція, честь и слава Чехіи, охраняемой ея патрономъ св. Вацлавомъ, возвышала въ глазахъ чеховъ чуждыхъ ей героевъ двухъ хроникъ; только этотъ внѣшній чешскій атрибутъ въ Штильфридѣ, и извѣстная подготовленность чеха къ чтенію удивительныхъ походовъ Брунцвика сдѣлали эти сказанія впоследствии народною книгою чеха.

Попытки чешскихъ ученыхъ уяснить литературную генеалогію этихъ двухъ произведеній пока не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Подробнѣйшее изслѣдованіе происхожденія хроникъ о Штильфридѣ и Брунцвикѣ принадлежитъ Фейфалику. Одновременно съ ними появилась замѣтка о Брунцвикѣ Малоха. Фей-

Фаликъ въ двухъ статьяхъ своихъ¹ намѣревался указать западно-европейскій источникъ чешскихъ сказаній и остановился тамъ, гдѣ оборвалась его путеводная нить. Указавъ на незначительныя отличія рукописнаго текста XV вѣка отъ печатнаго, позднѣйшаго, не опредѣливъ точно послѣдняго, онъ намѣтилъ черты общія между чешскими сказаніями и западно-европейскими повѣстями и пѣснями. Укажемъ эти черты, и преимущественно по отношенію къ Брунцвику, какъ лицу, извѣстному въ старинной русской письменности.

На основаніи статьи Гёдеке о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ², Фейфаликъ въ первой своей статьѣ нашелъ, что Рейнфритъ Брауншвейгскій былъ оригиналомъ чешскихъ сказаній, причемъ изъ одного лица явилось въ чешской передѣлкѣ два лица—Штильфридъ и его сынъ Брунцвикъ. И такое раздвоеніе главнаго дѣйствующаго лица—говоритъ Фейфаликъ—было не единственнымъ измѣненіемъ, которому подверглось сказаніе при перенесеніи его на чешскую почву. Штильфридъ и Брунцвикъ превращаются въ чешскихъ князей, которые стоятъ за честь и славу чешской земли; предъ вступленіемъ въ борьбу они молятъ о помощи св. Вацлава; стимуломъ къ ихъ походамъ служитъ желаніе добыть новый гербъ государству: Штильфридъ желалъ вмѣсто котла видѣть въ гербѣ орла, а Брунцвикъ—льва. Въ этомъ Фейфаликъ видѣлъ точку сопрякосновенія нѣмецкаго сказанія съ старочешскимъ сказаніемъ, недошедшимъ до насъ, но извѣстнымъ будто бы извѣстному хронисту Гайку, какъ можно судить по его разсказу о Стуймирѣ (=Штильфридъ); Брунцвикъ не

1) Zwei böhmische Volksbücher zur Sage von Reinfrid von Braunschweig. Sitzungsberichte d. K. Akademie d. Wissenschaften. XXIX, 83—97; u Nachtrag zu d. Abhandlung über zwei böhmische Volksbücher zur Sage von Reinfrid von Braunschweig. Ibid. XXXII, 322—331.

2) Archiv d. historischen Vereins für Niedersachsen, Jahrgang 1849.

извѣстенъ Гайку. «Если—говорить Фейфаликъ—мы обратимся къ тому нѣмецкому произведенію (Quelle), изъ котораго возникли эти чешскія народныя хроники (Volksbücher), то напрасно будемъ искать его между имѣющимися нѣмецкими обработками (Bearbeitungen) сказанія о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ или о Гейнрихѣ Львѣ. Первую часть, а именно поѣздку за невѣстой, заключаетъ въ себѣ изъ всѣхъ нихъ только анонимное стихотвореніе о Рейнфритѣ конца XIII вѣка.... Съ этимъ стихотвореніемъ хроника о Штильфридѣ согласна только относительно главнаго событія, сватовства (сына), между тѣмъ какъ остальное повѣствованіе и побочныя обстоятельства не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Вторая часть (хроника о Брунцвикѣ), относительно извѣстныхъ нѣмецкихъ обработокъ, тоже обнаруживаетъ значительныя отступленія, хотя и согласуется съ ними въ основныхъ идеяхъ и въ отдѣльныхъ событіяхъ и обстоятельствахъ.... Вслѣдствіе этого и остается предположить, что образцомъ для чешской переработки послужило какое-то нѣмецкое стихотвореніе, которое въ оригиналѣ не дошло до насъ».

Уже эта первая статья Фейфалика была напечатана, какъ вдругъ онъ узналъ о нѣкоторыхъ датскихъ и шведскихъ памятникахъ народнаго творчества, напечатанныхъ Грундтвигомъ и Арвидссономъ—памятникахъ, напоминающихъ похожденія Брунцвика. Въ одной датской пѣснѣ¹ сообщается, какъ герцогъ Брауншвейгскій Гейнрихъ объявляетъ женѣ своей о твердомъ намѣреніи пуститься въ крестовый походъ: онъ назначаетъ ей семилѣтній срокъ своему отсутствію, по истеченіи котораго она вольна избрать себѣ другаго супруга. Онъ отправляется на востокъ, прежде всего ко святымъ мѣстамъ, затѣмъ въ Вавилонъ, царь котораго беретъ его въ плѣнъ и дѣлаетъ невольникомъ. На

1) Danmarks gamle Folkeviser, 2, 608—633 (Feifalik).

осьмомъ году плѣна его освобождаетъ супруга царя, и онъ съ посохомъ и мечомъ приходитъ въ густой лѣсъ, гдѣ и застаеть борьбу льва съ дракономъ. Левъ, называя его по имени, просить его о помощи; Гейнрихъ убиваетъ дракона, и левъ, какъ послушная собака, слѣдуетъ за нимъ. Затѣмъ Гейнрихъ встрѣчается съ отшельникомъ, тоже называющимъ его по имени, который и приглашаетъ герцога отдохнуть, пока онъ будетъ за него молиться. Герцогъ садится и засыпаетъ; а въ то же время ангеломъ переносится на родину, гдѣ съ радостью при пробужденіи слышитъ нѣмецкую рѣчь пастуха, который и сообщаетъ Гейнриху, что въ то самое время вдова послѣ усопшаго Гейнриха выходитъ снова замужъ. Герцогъ въ одеждѣ пилигрима идетъ въ замокъ и чрезъ привратника вызываетъ жениха своей жены, въ которомъ узнаетъ одного изъ своихъ товарищей по плѣну, ранѣе герцога получившаго свободу и разгласившаго о смерти герцога.

Вторая датская пѣсня, служащая для Фейфалика матеріаломъ для уясненія походовъ Брунцвика, представляетъ варіантъ первой. Герцогъ Гейнрихъ, наталкивается на борьбу льва съ пантерой; отшельникъ сообщаетъ Гейнриху, что жена его выходитъ замужъ; Гейнрихъ ложится отдохнуть и чудесно переносится на родину, гдѣ пастухъ подтверждаетъ слова отшельника. Герцогъ идетъ вмѣстѣ со львомъ въ замокъ и испрашиваетъ себѣ позволеніе выпить за здоровье невѣсты. Невѣста находитъ въ опорожненномъ кубкѣ половину золотого кольца (въ началѣ о кольцѣ не упоминается), по которому она и узнаетъ о возвратѣ своего мужа.

Съ датскими пѣснями сходна шведская ¹. Герцогъ Гейнрихъ сообщаетъ женѣ, что намѣренъ пуститься въ путь (куда—не говорить); затѣмъ слѣдуетъ раздѣлъ кольца, забытый въ дат-

1) Svenska Fornsånger, 2, 422—424 (Feifalik).

скихъ пѣсняхъ. Затѣмъ Гейнрихъ попадаетъ въ плѣнъ къ какому-то языческому властелину, которому и служитъ семь лѣтъ. По своемъ освобожденіи онъ отправляется далѣе, дѣлается свидѣтелемъ борьбы льва съ слономъ, и убиваетъ послѣдняго по просьбѣ льва. О чудесномъ путешествіи упоминается поверхностно, и уже на родинѣ пастухъ, у котораго онъ проситъ ѣсть, указываетъ ему на замокъ Брунцвика, гдѣ празднуется свадьба. Онъ направляется туда, и видитъ передъ замкомъ дочь свою, которую и проситъ подкрѣпить пилигрима, между тѣмъ какъ она дивится, глядя на льва. Затѣмъ ему подносятъ кубокъ вина, и невѣста, послѣ того какъ ей привелось пить изъ того же кубка, находитъ въ немъ половину кольца; она достаетъ свою половину кольца, и обѣ половины мгновенно срастаются въ одно цѣлое, послѣ чего слѣдуетъ признаніе супруга и отказъ жениху.

Обѣ замѣтки Фейфалика, предлагающія изъ западно-европейской литературы факты для объясненія композиціи чешскихъ хроникъ, разумѣется, не рѣшаютъ вопроса. То же можно сказать и о солидной, хотя небольшой по объему, замѣткѣ Малоха ¹, который говоритъ, что источникъ первой половины чешскаго сказанія о Брунцвикѣ можно искать въ нѣмецкой поэмѣ о герцогѣ Эрнстѣ (XII в.); вторая же половина кельтическаго происхожденія, и напоминаетъ Ивейна (d. Ritter mit dem Löwen, Chevalier au lion). Въ нѣмецкомъ сказаніи герцогъ Эрнстъ, въ бѣгствѣ своемъ въ Палестину, попадаетъ въ морѣ на магнитную гору, откуда и вынесенъ былъ грифомъ и пережилъ не мало приключеній и встрѣчъ съ чудовищными людьми. Въ похожденияхъ Синдбада, въ Тысячѣ и одной ночи, тоже встрѣчаются факты, напоминающіе о приключеніяхъ Брунцвика ². И такъ походе-

1) Slovník naučný. T. I, 924—925.

2) Les mille et une nuits.... par M. Galland. Édit. 1774. T. II, 26, 28, 29.

ніа Ивейна (изъ сказаній объ Артусѣ) со львомъ напоминають вторую часть сказанія о Брунцвикѣ. Припомнимъ, что еще Авль Геллій разсказалъ въ своихъ «Noctes atticae» о невольникѣ Андроклѣ, бѣжавшемъ отъ своего господина и на пути вынужденъ занозу изъ лапы льва, который впоследствии узналъ его въ римскомъ амфитеатрѣ, и жилъ у него. Разсказъ этотъ, повторившись въ средневѣковой литературѣ французовъ и нѣмцевъ, вошелъ потомъ и въ извѣстныя «Gesta romanorum»¹.

Во всякомъ случаѣ сопоставленіе этихъ общеизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ наличныхъ памятниковъ западно-европейской литературы съ чешскими «хрониками», отмежевывая имъ извѣстное положеніе въ исторіи чешской литературы, не рѣшаетъ окончательно вопроса о той дозѣ самостоятельности, которая была присуща имъ, не смотря на возможныя заимствованія. Чисто чешскими аксессуарами въ хроникахъ могутъ быть пока признаны только возгласы къ св. Вацлаву, да поиски лучшихъ гербовъ для чешскаго государства, словомъ, та густо наложенная патріотическая окраска, которая и сейчасъ рѣзко бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ новой литературы всѣхъ славянъ, за исключеніемъ Руссовъ и Поляковъ.

Слѣдуетъ припомнить, что въ Чехіи уже рано начали выдумывать фабулы о происхожденіи государственнаго герба. Еще безымянный чешскій хронистъ, называемый обыкновенно Далимиломъ, жившій въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, разсказывая въ своей патріотической хроникѣ объ осадѣ Милана въ 1158 году, упоминаетъ, что «императоръ измѣнилъ гербъ (ščit) у князя» и «вмѣсто чернаго орла далъ ему бѣлаго льва», и что прежде «чехи котелъ имѣли» въ гербѣ². «Извѣстныя сказки—

1) Римскія дѣянiя. С.-Петербург. 1877—78, стр. 288—290.

2) Dalimilova Chronika česká. Otisk druhý. V Praze. 1851, стр. 85.

говорить Палацкій — о раздачѣ новыхъ гербовъ чешскимъ фамиліямъ, да и самому королевству чешскому — не заслуживаютъ упоминенія»¹. Положительно извѣстно, что государственные гербы и гербы правителей Чехіи не всегда бывали одни и тѣ же. Въ государственныхъ дѣлахъ къ грамотамъ прикладывались и печати государственныя. Въ древности на государственной печати былъ изображенъ св. Вацлавъ. Князья и короли чешскіе имѣли и свои личныя печати. Такъ король Премысль Отокаръ I въ 1219 году прибавилъ къ государственной печати и свою личную. Изъ печати маркграфа Премысла, впоследствии короля Премысла Отокара II, явствуетъ, что онъ былъ первымъ государемъ, имѣвшимъ въ щитѣ своемъ льва, и при немъ коронованный бѣлый левъ съ раздвоеннымъ хвостомъ, въ красномъ полѣ, является государственнымъ гербомъ, и на монетахъ, и на знаменахъ². Въ гербѣ Иглавы былъ левъ, очевидно дарованный королемъ этому городу. Всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что первоначальный гербъ—*arma terrae Bohemiae*—представлялъ черную орлицу въ пламени, въ бѣломъ (серебrenomъ) полѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такихъ произведеніяхъ, какъ Штильфридъ и Брунцвикъ, не вѣрны показанія о гербѣ Чехіи; странно было бы и искать исторической или какой бы то ни было точности въ подобныхъ произведеніяхъ. Въ нихъ отражался только вкусъ писателей и читателей извѣстнаго класса общества въ данную эпоху и умѣнье или неумѣнье по иностранной канвѣ вышивать народные узоры. Мнѣніе Фейфалика, что могло быть и народное чешское сказаніе, впоследствии переработанное и дошедшее до насъ отъ XV вѣка, оправдывается и словами самой хроники о Брунцвикѣ, утверждающими о существованіи

1) *Dějiny české*, Díl I, č. 2, стр. 57.

2) Н. Jireček. *Slovanské právo*. II, 138—141. Иллюминированное изображеніе этого герба находится въ пассионалѣ абатиссы Кунгуты, 1312 года.

какого-то или даже какихъ-то «иныхъ сказаній о Брунцвикѣ», стало быть предшествовавшихъ древнѣйшему списку хроники XV вѣка ¹. Такимъ образомъ Брунцвикъ въ новой обработкѣ оказался старымъ знакомымъ для чеховъ. Ихъ интересовали подробности сказанія о чудесахъ и чудищахъ, которыя не чужды были читателямъ и вслѣдствіе сказаній путешественниковъ по далекимъ землямъ востока, сообщавшимъ слышанныя или, въ свою очередь, вычитанныя преданія о чудесахъ далекаго свѣта. Таковы были для чеховъ Мандевиль и Марко Поло. Чешскіе переводы ихъ странствованій дошли до насъ въ рукописяхъ XV вѣка, и въ спискахъ встрѣчаются даже вмѣстѣ, а печатный переводъ Мандевіля принадлежитъ даже къ первопечатнымъ чешскимъ книгамъ ². Къ тому же разряду принадлежитъ и знаменитое въ среднихъ вѣкахъ посланіе пресвитера Іоанна къ Эммануилу Комнелу или Фридриху I, появившееся ранѣе вышеуказанныхъ путешествій и давшее самымъ путешественникамъ матеріалъ для разсказа. Чудеса восточныхъ странъ, питавшія отчасти творческую фантазію запада, возбуждали любопытство средневѣковаго человѣчества и предлагались ему то въ видѣ историческихъ преданій и сказаній, то въ формѣ повѣсти. Данныя этихъ сказаній сдѣлались народными во всей Европѣ, и стало быть и у славянъ. Западъ повторялъ восточныя сказанія объ Аримаспахъ и Кинокефалахъ, восточная птица рохъ или ногъ сдѣлалась домашнею на западѣ, и въ сказкахъ почти у всѣхъ славянъ она выноситъ сказочнаго богатыря изъ замкнутой мѣстности на свѣтъ Божій. Въ русскихъ сказкахъ мы встрѣчаемся съ птицей, выносящей богатыря изъ подземнаго царства, а въ сказкахъ Словаковъ находимъ самый живой по народности

1) Výbor z literatury české. II, 57.

2) Knihy o gednom Rytieři, genž gest byl veliký Lantfarerz. V Plzni. 1510.

изложенія пересказъ преданія о нѣгѣ-птицѣ (knochta ptak), которая выноситъ изъ ада сказочнаго богатыря Ломидрево (то же, что нашъ Дубыня), освобождающаго трехъ «принцезнь», похищенныхъ драконами (drag), какъ въ сказаніи о Брунцвикѣ Африку похищаетъ драконъ Василискъ. «Принцезнь» угро-словенской сказки, также какъ Африка въ Брунцвикѣ, убѣждаютъ Ломидрево не вступать въ борьбу съ могучими драконами, но Ломидрево одолеваетъ драконовъ, и, обманутый своими товарищами, отдается во власть ногъ-птицы, которая и выноситъ его изъ подземнаго царства ¹. Вообще говоря, «Брунцвикъ», не смотря на сходство, во второй половинѣ разсказа, съ Ивейномъ или рыцаремъ льва, явившимся на западѣ въ нѣмецкой ² и французской ³ обработкахъ, болѣе напоминаетъ сказаніе о герцогѣ Эрнстѣ, послужившемъ оригиналомъ и для Рейнфрита Брауншвейгскаго ⁴. Herzog Ernst, извѣстное съ XII вѣка произведеніе въ нѣмецкой и позднѣе въ латинской обработкѣ, интересовало своей второй половиной, которая и сравнивалась съ Одиссеей въ своемъ родѣ. По сказанію, Эрнстъ Баварскій или Швабскій на пути къ свѣтымъ мѣстамъ выдерживаетъ бурю на морѣ, попадаетъ къ чудовищнымъ людямъ, бьется съ ними изъ-за похищенной принцессы, попадаетъ на магнитную гору, вырвавшую всѣ гвозди изъ кораблей; затѣмъ уносится съ этой горы грифомъ; плыветъ на плоту возлѣ блестящей горы Карбункулъ, и камень, отбитый отъ нея, свѣтитъ ему ярче десяти факеловъ; затѣмъ попадаетъ къ одноглазымъ Аримаснамъ, и долженъ

1) Škultety a Dobšinský: Slovenské povesti. Kn. I, 107—108. Кстати замѣтимъ, что эта угро-словенская сказка по складу и изложенію болѣе русская, чѣмъ русскія сказки того же содержанія, изданныя Аванасьевымъ (I, 24, 28 и другія, по изд. 1858—1863).

2) Hartmann von der Aue.

3) Chrétien de Troyes.

4) Bartsch, Herzog Ernst. Wien, 1869.

бороться съ одноногими Скіоподами, длинноухими Панохами и великанами.... Всѣ эти невѣроятныя приключенія Эрнста, напоминающія похождения Брунцвика, вовсе не досужія выдумки неизвѣстнаго автора или его позднѣйшихъ подражателей, а популяризація въ формѣ поэтическаго разсказа ходячихъ ранѣ сказокъ, извѣстныхъ изъ писателей классической древности, повѣствовавшихъ о подвигахъ Александра Македонскаго. Псевдокаллисоевъ былъ однимъ изъ старыхъ источниковъ подобныхъ сказаній, Альбертъ Великій — однимъ изъ новыхъ, въ извѣстномъ своемъ произведеніи, касающемся естествознанія. Еще въ прошломъ столѣтіи извѣстный Шпренгель въ своей *Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen* указываетъ на чудесныя описанія далекихъ странъ, встрѣчаемыхъ у путниковъ на востокъ съ VIII вѣка. «Впослѣдствіи — говоритъ онъ — когда возобладала любовь къ романтическимъ вымысламъ, изъ подобныхъ разсказовъ составлялись описанія вселенной, которыя читались въ университетахъ и монастыряхъ за трапезой и въ свободные зимніе вечера, ради развлеченія духовныхъ лицъ. Ихъ называли *Mirabilia mundi*, и такое названіе было настолько любимымъ и моднымъ, что подъ нимъ встрѣчался и *Polyhistor* Солина, и путешествія Марко Поло и Мандевиля». Разсказы крестоносцевъ увеличивали этотъ матеріалъ. Такими путями восточныя сказанія дѣлались доступными западнымъ стихотворцамъ. Имъ не нужно было даже собственной изобрѣтательности: чудесное, въ которое искренно вѣрили, заключало само по себѣ не мало прелести, и поэмы о герцогѣ Эрнстѣ замѣчательны тѣмъ, что вѣрно передаютъ тогдашнюю поэтическую географію востока ¹.

1) Ersch u. Gruber. XXXVII, 302—303.

Списки русскаго Брунцвика, извѣстные до сихъ поръ, по большей части XVIII вѣка. Извѣстны пока слѣдующіе:

а) Публичной библіотеки, № LVII (Бычковъ, стр. 272), по которому г. Пыпинъ разбираетъ Брунцвика въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ (стр. 223—228).

б) Румянцовскаго музея, указанный Викторovýmъ въ книгѣ: Собраніе славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго (стр. 32).

в) Библіотеки гр. Уварова, бывшей Царскаго, № 46 и 45 I. Къ переводу книги «Дисидерій» (№ 46) XVII вѣка «приплетена тетрадь скорописная того же времени» (Брунцвикъ), по замѣчанію Строева (Рук. Славянскія и Россійскія, стр. 23).

г) Публичной библіотеки, XVII в. (Отчетъ И. Публичной библіотеки за 1874 годъ).

д) Археографической комиссіи, № 159, XVIII в. (Рукописи археографической комиссіи, описанныя г. Барсуковымъ, стр. 93).

е) Библіотеки Императорскаго Общества любителей древней письменности, неполная рукопись XVIII в., — и

ж) Рукопись, писанная двумя почерками середины и конца XVIII столѣтія, по которой и издается здѣсь Брунцвикъ ¹.

Судя по времени перевода, онъ могъ быть сдѣланъ или съ перваго Оломуцкаго изданія Брунцвика 1565 года, если допустить вѣрность замѣчанія Строева о рукописи Царскаго XVII в. и указаніе Отчета Публичной библіотеки за 1874 годъ, или съ первой перепечатки XVIII вѣка. Во всякомъ случаѣ здѣсь трудно сказать что нибудь положительное уже потому, что первое изданіе извѣстно пока только по слуху, всѣ же остальные мало извѣстны,

1) За сообщеніе рукописи считаю долгомъ привести глубокую благодарность М. И. Платонову.

кромѣ изданія Ганки 1827 года¹, заключающаго въ себѣ тотъ же подновленный текстъ XV вѣка, который вѣрнѣе напечатанъ во второмъ томѣ изданія *Výbor z literatury české* (Díl II, 55—74).

Еще г. Пыпинъ замѣтилъ, что «наша повѣсть переведена вѣроятно прямо съ чешскаго подлинника, едва примѣтные слѣды котораго можно еще видѣть въ.... текстѣ» (стр. 227). Текстъ Публичной библіотеки, на который онъ ссылается, хотя и отличается нѣсколько отъ предлагаемаго здѣсь текста, какъ можно видѣть изъ тѣхъ незначительныхъ извлеченій и замѣтокъ, которыя вошли въ книгу г. Пыпина и въ описаніе библіотечной рукописи, сдѣланное г. Бычковымъ (Описан. рук., 272), тѣмъ не менѣе текстъ этотъ долженъ быть спискомъ съ одного и того же первоначальнаго перевода, который, благодаря безграмотному хитроумію переписчиковъ, принималъ въ себя, съ теченіемъ времени, и нелѣпыя конъектуры и отличительныя черты жаргона писца. И переписчиковъ, вѣроятно, было не мало, потому что Брунцвикъ нравился русскимъ читателямъ. Не смотря на свой, по вѣщности, чуждый западный характеръ, Брунцвикъ не чуждъ былъ и восточному славянину, знакомому издавна съ чудесами въ романѣ по распространеннымъ всюду сказаніямъ объ Александрѣ Македонскомъ, или «объ Индіи богатой», то-есть по тѣмъ же рассказамъ о чудесахъ востока, которыя западному міру извѣстны были изъ эпистолы пресвитера Іоанна и сказаній словоохотливыхъ путешественниковъ. Вспомнимъ, что еще въ первой половинѣ XVI вѣка Павелъ Іовій замѣтилъ у руссовъ, кромѣ переводовъ отцовъ церкви и оригинальныхъ лѣтописей, распространенность трехъ европейскихъ сказаній. «Praeter quoque patrios annales,

1) *Stará powěst o Stojmírowi a Brunswikowi knížatech českých. W Praze, 1827, in 12°.*

Alexandri etiam magni, Romanorumque Caesarum, itemque M. Antonii et Cleopatrae memoriam iisdem literis commendatam tenent» — говоритъ онъ въ своей книгѣ de legatione moscovitica¹. Къ сказаніямъ, упомянутымъ выше, могутъ быть присоединены разныя редакціи слова Меѳодія Патарскаго, сообщавшаго о чудовищныхъ людяхъ съ скотскими ногами, съ семью руками, съ песьими головами², различные списки топографіи Козьмы Индикоплова и «азбуковники», подготовлявшіе русскаго читателя и уяснявшіе ему отчасти удивительныя похожденія чешскаго князя, въ которыхъ читатель встрѣчался съ чудесными предметами животнаго и ископаемаго царства. Да и въ народномъ сказочномъ эпосѣ, какъ мы видѣли ранѣе, русскій человѣкъ встрѣчался уже съ тѣми мифическими существами и предметами, которые играли немаловажную роль въ судьбѣ богатырей, принимали вольное или невольное участіе въ ихъ подвигахъ. И Брунцвиковъ мечъ-кладенецъ³, упоминаемый въ рукописи Публичной библіотеки, въ настоящей редакціи не носящій такого названія, и въ самомъ оригиналѣ упоминаемый безъ эпитета, тоже извѣстенъ былъ на Руси по книжнымъ и народнымъ сказаніямъ, напр. по сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ, извѣстной у насъ еще съ XVII вѣка. Вообще говоря, Брунцвикъ могъ нравиться русскимъ читателямъ, которые въ его похожденіяхъ повторяли только знакомыя имъ чудеса. Онъ расходился, конечно, во многихъ спискахъ, отличающихся

1) *Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*. Ed. Starczewski. I, II, 11

2) Тихоураховъ. II, 259.

3) Въ народныхъ сказкахъ чеховъ (B. Němcové Sebrané spisy, sv. V, 262 — 276, изд. 1880) «дивотворный мечъ» вполне соответствуетъ мечу Брунцвика. Между прочимъ чешское народное преданіе утверждаетъ, что мечъ Брунцвика заложенъ въ Пражскій каменный Карловъ мостъ. Мораване тоже помнятъ объ этомъ мечѣ. Въ народной драматической сценѣ изъ жизни св. Доротеи, записанной Фейфаликомъ, палачъ, имѣющій казнить св. Доротею, говоритъ: *Já mám tuto švancu brunclíkovu nabroušenu...* (*Volksschauspiele aus Mähren*. G. Witz. 1864, стр. 95).

нѣкоторыми вариантами. Эти варианты становились неизбѣжны при малограмотности переписчиковъ, встрѣчавшихся съ извѣстными имъ фактами, но неизвѣстными дотогѣ или малоизвѣстными именами людей, мѣстностей и предметовъ. И пусть они безграмотно копировали бы неясный для нихъ оригиналъ перевода: этимъ они не вводили бы, по крайней мѣрѣ, въ умысленныя ошибки послѣдующихъ писцовъ, для которыхъ ихъ списки, въ свою очередь, служили оригиналомъ; но они, не разбирая текста, хотѣли осмыслить чуждыя ихъ разумѣнію имена, вслѣдствіе чего и появились уродливыя переименованія темныхъ для нихъ именованій. Такимъ образомъ, наряду съ правильнымъ чешскій встрѣчаемъ — четскій, вмѣсто Баладъ — постоянно Билоадъ, вм. Астрономусъ — Остромоногъ, вм. гора Якштынова (Agatstein) — Акшмова, вм. островъ Зелаторъ — Желтый, вм. Европа — Утроба, вм. ногъ — ногть, вм. серна — серка, вм. громада — грамата, вм. карбункулусъ — коровихъ кулубъ, вм. Арабія (или Арапія) — Крапля, вм. Глато — Кляте, вм. Сидфоры — Мифодоры, вм. ескиня — скимы, вм. Эгботанисъ — Иботанисъ, вм. Астриюль — Остроилъ и Остриюль, вм. Ассирскій — Сирскій. Одно и то же чуждое названіе передавалось у переписчика различно, то съ большею соотвѣтственностью оригиналу, то съ уклоненіями, зависѣвшими иногда отъ говора переписчика. Акающій говоръ переписчика не только въ собственныхъ и географическихъ именахъ, но и въ текстѣ разсказа прорывается очень часто. Такъ, — Олибриусъ постоянно является въ формѣ Алембриусъ; вмѣсто книжныхъ формъ его, своего, встрѣчается то правильное чтеніе, то ево, своево; рядомъ съ формой отца встрѣчаемъ атца, вмѣсто плоть — плодъ; рядомъ съ формой левъ — лефъ, остался и осталса. Вмѣсто мгновеніе всюду — многовеніе.

Предъ переписчикомъ, кажется, былъ списокъ съ глоссами

на поляхъ, которыя онъ и вносилъ въ текстъ, нерѣдко запутывая смыслъ рѣчи.

Въ виду такой неточности списка и сравнительной новизны памятника, издатель естественно былъ поставленъ въ необходимость изъ неправильныхъ и правильныхъ формъ текста отдавать преимущество послѣднимъ и возстановлять собственные и географическія имена, какими онѣ и были, конечно, у переводчика, — по чешскому оригиналу, указывая впрочемъ подъ чертой болѣе важныя отъ него уклоненія.

Русскій переводъ былъ сдѣланъ не съ польскаго перевода, какъ привыкли у насъ думать о произведеніяхъ западнаго характера, а прямо съ чешскаго оригинала, что видно изъ многихъ разбѣянныхъ въ текстѣ выраженій и особенно изъ неправильностей перевода, носящихъ несомнѣнный характеръ чешскаго оригинала. И такъ, воздавъ должное переписчикамъ, обратимся къ переводчику, оставившему тоже слѣды своего непониманія чешскаго текста.

Въ оригиналѣ говорится, что Брунцвикъ въ своемъ странствованіи забрался такъ далеко, что благодаря водѣ — *pro vodu* — не могъ ѣхать далѣе. Переводчикъ, не понявъ текста, сдѣлалъ изъ двухъ словъ одно — проводники, которые будто бы не знали куда онъ ѣдетъ.

Въ оригиналѣ: «хочу тебѣ дать такой совѣтъ, что (*že*) — ты отсюда выберешься. Переводчикъ, не уснивъ этого *že*, говоритъ: «хочу тебѣ нѣчто добро сотворити, ежели отсюда выдеши».

Оригиналъ говорить, что ногъ-птица утаскиваетъ что остается изъ падали — *in schu*; переводчикъ послѣднее передастъ словомъ мертвое.

Въ оригиналѣ сообщается, что извѣстно время — *hodina* — прилета птицы ногъ; переводчикъ удерживаетъ слово година,

имѣвшее, какъ известно, въ XVII—XVIII столѣтіяхъ иной смыслъ.

Въ оригиналѣ говорится, какое счастье было бы для Брунцвика перелетѣть въ свои края — k svým vlastem; переводчикъ удерживаетъ слова оригинала — ко властемъ своимъ, не чувствуя различія въ смыслѣ словъ.

Въ оригиналѣ говорится, что левъ при видѣ Брунцвиковой вѣрности, припалъ на землю и отдохнулъ — odpočinul sobě; переводчикъ, сохраняя форму слова, передаетъ: паде на землю опочинуть мало.

Въ оригиналѣ рассказывается, какъ Брунцвикъ началъ изготовлять колья и прутья для плота, а левъ сталъ ихъ стаскивать въ кучу — na hromadu; переводчикъ удержалъ это слово — началъ въ громады таскать.

Въ оригиналѣ написано: отъ той горы свѣтъ — světlo — имъ свѣтилъ, а переводчикъ, считая это существительное нарѣчіемъ, переводитъ, что та гора свѣтло свѣтится.

Въ оригиналѣ рассказывается, что Брунцвикъ влѣзаетъ на высокое дерево, чтобы взглянуть, не увидитъ ли вдали какой нибудь замокъ или городъ — hrad anebo město; переводчикъ передаетъ не смыслъ выраженія, а слова — градъ или мѣсто. Эти грады и мѣста всюду, такъ сказать, переписываются, а не переводятся въ русскомъ текстѣ.

«Волей — говоритъ Брунцвикъ Олибриусу — изъ отчины своей выѣхалъ, а эта бѣда, къ сожалѣнію — rohřieschi — по неволѣ приключилась». Переводчикъ, держась очевидно слова rohřieschi, передаетъ — по грѣхомъ. Такая передача слова rohřieschi повторяется въ переводѣ неоднократно.

Король Олибриусъ привѣтствуетъ Брунцвика обычнымъ: «Здравствуй, Брунцвикъ!» — Zdráv bud' Brunčviče! — переводчикъ буквально передаетъ: «Здравъ буди, Брунчвиче!»

Въ концѣ сказанія говорится, что левъ пошелъ на гробъ Брунцвиковъ, и тамъ умеръ. Хотя въ чешскомъ текстѣ XV вѣка этого указанія нѣтъ, но русскій гробъ указываетъ на чешскій hrob, т.-е. могилу.

«Прага» иногда у переводчика является въ формѣ Праза, что указываетъ несомнѣнно на непонятый чешскій оригиналъ.

Русскій переводъ, соответствуя въ большинствѣ случаевъ чешскому оригиналу XV столѣтія, мѣстами отклоняется отъ него, что заставляетъ предполагать или иную, позднюю редакцію оригинала, или свободомысліе переписчиковъ, не боявшихся вносить свои соображенія. Особенно, какъ замѣтитъ читатель, въ цифрахъ, встрѣчающихся въ сказаніи, часто не соблюдается точность. Въ оригиналѣ, напр., говорится, что Брунцвикъ съ дружиною носился по морю четверть года; въ переводѣ находимъ четыре мѣсяца. Въ оригиналѣ объ агатовой горѣ сообщается, что она притягивала къ себѣ всѣ предметы на пятьдесятъ миль въ окружности; въ переводѣ передается — на пятнадцать миль. Въ оригиналѣ говорится, что Брунцвикъ, сядясь на корабль, беретъ съ собой провизіи на пять мѣсяцевъ; въ переводѣ — на полгода. Въ оригиналѣ — чудесный перстень силою равенъ двадцати четыремъ человѣкамъ, а въ переводѣ — имѣетъ силу противу пятнадцати человѣкъ. Въ оригиналѣ — израненный Брунцвикъ поправляется только въ девять дней; въ переводѣ — въ десять. Въ оригиналѣ Африка запираетъ комнату девятью замками; въ переводѣ — десятью. Въ оригиналѣ Брунцвикъ блуждаетъ въ морѣ пятнадцать недѣль; въ переводѣ — тридцать дней. Въ оригиналѣ говорится, что Брунцвикъ, будучи сорока пяти лѣтъ, сдѣлался отцомъ Владислава, а въ переводѣ сказано, что въ добръ пребываша тридцать три лѣта и роди сына...

Откуда взялись эти неточности въ передачѣ цифръ, трудно

рѣшить, не имѣя подъ руками всѣхъ старѣйшихъ изданій чешской хроники. Положительно извѣстно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ цифры измѣнены сравнительно съ текстомъ XV вѣка, что и указано нами однажды подъ чертою старо-русскаго перевода. Народный текстъ гоки tohoto, безъ означенія мѣста изданія, и Скалицкое изданіе 1779 года, на которыя дѣлается ссылка при одномъ неясномъ мѣстѣ текста XV вѣка, представляютъ не мало вариантовъ то въ пользу смысла, то въ ущербъ ему. Эти изданія, весьма напоминающія своими рисунками наши лубочныя изданія, представляютъ собою часто небрежную перепечатку болѣе раннихъ текстовъ, изъ которыхъ одинъ и служилъ оригиналомъ для русскаго переводчика. Языкъ въ этихъ перепечаткахъ подновленъ, и, кажется, моложе языка русскаго перевода. Послѣдній, какъ уже замѣчено, и помимо цифръ представляетъ иногда уклоненія и распространеніе оригинала XV вѣка, и для нагляднаго уясненія подобныхъ отступленій пришлось приложить возможно близкій переводъ старѣйшаго чешскаго текста, по которому уже легко видѣть одновременныя — и близость старо-русскаго перевода къ старо-чешскому оригиналу, и уклоненія, зависѣвшія частью отъ переписчиковъ, частью отъ редакціи изданія, бывшаго въ рукахъ переводчика.

Если вѣрить Строеву и Отчету Публичной библіотеки за 1874 годъ, что имѣются списки Брунцвика XVII вѣка, то, очевидно, слѣдуетъ допустить, что переводъ русскій былъ сдѣланъ съ несуществующаго теперь editio princeps 1565 года, или съ иного стараго изданія, неизвѣстнаго чешскимъ библиографамъ. Если же показанія Строева и Отчета Публичной библіотеки не вѣрны, то придется признать, что оригиналомъ для русскаго переводчика было одно изъ старѣйшихъ изданій XVIII вѣка, а первымъ изъ изданій той поры считается Индрихоградское 1738 года.

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМЪ КОРОЛѢ БРУНЦВИКѢ

И

О ВЕЛИКОМЪ ЕГО РАЗУМѢ

КАКО ОНЪ ХОДИЛЪ ПО ОТОЦВХЪ МОРСКИХЪ СЪ ВЕЛИКИМЪ ЗВЪРЕМЪ ЛЬВОМЪ

И

О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВѢ НЕОМЕНИИ

**Исторія о славномъ королѣ Брунцвикѣ и о великомъ его разумѣ;
нако онъ ходилъ по отоцѣхъ морскихъ съ великимъ звѣремъ
львомъ, и о прекрасной королевѣ Неоменіи¹.**

Бысть въ Чешской землѣ король Брунцвикъ, Фридриха² короля сынъ; остался послѣ отца своего на королевствѣ и правилъ королевство свое въ великомъ разумѣ и разсмотрѣніи честно, и по совѣту своихъ старшинъ и рыцарей мысли³ все исправлялъ по наукамъ отца своего, разума же и мудрости отца своего изучился, какъ отецъ его умышлялъ и какову честь воздавалъ къ вѣрнымъ людямъ и къ духовнымъ чинамъ, и сиротамъ и вдовцамъ, и всякихъ чиновъ людямъ, ибо въ почтеніяхъ⁴ вельми

1) Въ рукописи Публичной библіотеки сказаніе озаглавлено такъ: Повѣсть оумнательная о Брунцвикѣ, королевичѣ Чешскія земан, и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ в поморскихъ отоцѣхъ, и како храбростію своею выслабжи сѣкъ звѣра лва и примирилъ сѣкъ, и како повѣдалъ страшнаго драк(он)а змѣлъ васнайка. Оп. рук., ч. I, стр. 272.

2) Въ ориг. отецъ Брунцвика называется Štilfrid; въ спискѣ Публичной библіотеки — Шталерадъ. По рукоп. Публичной библіотеки сказаніе начинается такъ: Е лѣто зѣмѣ гоу бысть в чешской земан королевичъ, имени Брунцвикъ, славнога короля сѣ Шталерада. Оцѣ же его преставашѣся, и остаса послѣ оца своего во младыхъ лѣтѣхъ...».

3) Въ спискѣ прибавлено — «своей».

4) Въ ориг. — nebo bieše počtivé knieže a velmi šlechtné.

разумень и славень; во всей земли о немъ слава великая бысть. И по двою лѣтѣхъ послѣ смерти воспомяну¹ Брунцвикъ разумъ² отца своего, что онъ чинилъ много добра своей чешской землѣ и своею службою выслужилъ себѣ честь великую.

Брунцвикъ же, по смерти отца своего, появъ себѣ жену — короля Астрономуса³ дочь, прекрасную королевну Неоменію; и по нѣкоемъ времени рече Брунцвикъ королевѣ своей: милая моя Неоменія! скажу тебѣ, что я хошу выслужить честь королевству своему и всей землѣ своей. Ты же, любезная моя, за инаго замужъ ни за кого не ходи; аще я умру, то знаменіе послѣ себя оставляю, что ни будетъ надо мною. Отецъ же мой и дѣдъ и пра-дѣды наши добывали⁴ гдѣ могли себѣ честь и славу получить имени своему и всему королевству. Отецъ мой заслужилъ себѣ⁵ орла своею службою; такожде и я хошу выслужить дивнаго звѣря льва. И нынѣ даю тебѣ знаменіе — перстень свой, чтобъ тебѣ вѣдомо было, а твой перстень возьму себѣ для того: егда ты тотъ перстень свой сама узришь, тогда ты вѣдай, что я еще живъ и въ добромъ здравіи; аще ли не узришь по семи лѣтѣхъ, то тебѣ вѣдомо, что я уже неживъ; а ты, моя возлюбленная, о томъ не помышляй аще ли не узришь, но въ томъ буди воля Божія; а инаго учинить мнѣ невозможно. И какъ услышала⁶ сіе королева Неоменія, рече съ плачемъ: о, зло мнѣ несчастной и бѣдной и горькой!⁷ Кому мя оставляешь, милѣйшій⁸ мой Брунцвикъ? Отецъ мой и мати моя вельми далече! кому мя печальную

1) Въ спискѣ «воспомянувъ»; въ оригиналѣ по *dvů letů* а по *třech měsících*.

2) Въ ориг. *dobrodinie*.

3) Въ спискѣ «Остромонога»; въ оригиналѣ впоследствии упоминается отецъ Неоменіи — *Astronomus*. О немъ разсказывается въ чешской хроникѣ о Штильфридѣ, который вступилъ въ службу къ «Папуланскому королю, который назывался Астрономусъ» (*Vybor. II, 40 и слѣд.*). Дочь его Неоменія въ русскомъ спискѣ постоянно называется Неоминія.

4) Въ оригиналѣ *dobývali*; въ русскомъ спискѣ ошибочно «дабы».

5) Въ спискѣ прибавлено — корону.

6) Въ спискѣ — «услышавъ».

7) Въ оригиналѣ — *nebožse*.

8) Въ спискѣ — «милѣйшій».

утѣшить, или съ кѣмъ имамъ веселиться? Брунцвикъ же рече къ ней: милая моя Неоменія! Не плачися; не сотворю тако якоже тебѣ мнится, а отъ тебя не хощу отъйти; первѣе пошлю по отца твоего; вѣдаю то, что тебѣ меня жаль, а мнѣ отъ тебя ѣхать далеко будетъ. Рече ему Неоменія: аще бы тебѣ меня было жаль, то бы отсюда не отъѣзжалъ, а хотя бы и поѣхалъ, да вскорѣ возвратился. Нынѣ вижу¹ азъ грѣхъ моихъ ради, что хочещи мя забыть. Ахъ бѣда мнѣ великая бысть до сего дня доживши, и объя² его съ плачемъ жалостно и умильно къ нему глагола, да бы ее не покинулъ и не забылъ. Брунцвикъ же рече ей: не плачь, моя милая Неоменія! уже мнѣ не возможно своего слова перемѣнить, понеже наши королевскія слова никогда ложны не бывають! а самъ и рече ей: Богъ не изволитъ смерти предати мене³, то азъ къ тебѣ возвращуся! И потомъ послалъ по отца ея, дабы приѣхалъ къ нему тестъ его, король Астрономусъ. И какъ приѣхалъ тестъ его, тогда Брунцвикъ преда⁴ ему все свое королевство чешской земли и повелѣ ему добрѣ управлять и потомъ предаде жену свою, а его дочерь, Неоменію.

И повелѣ Брунцвикъ тридцать коней сѣдлати, и взя съ собою тридцать юношей храбрыхъ и добрыхъ; одинаго же притомъ взя съ собою стараго, именовъ Балада⁵; и тако поѣхаша до различныхъ странъ и земель незнаемыхъ, славы ради и добрыя чести. Королева же Неоменія, провождающе, плакаше горько и любезно цѣловала его, и, проводя, возвратися въ домъ свой королевской со отцомъ своимъ; Брунцвикъ же поѣхалъ въ дальнія страны и незнаемыя, тако же и проводники⁶ его не вѣдаютъ куда онъ ѣдетъ. Егда же приѣхаша къ морю, начаше⁷ по берегу ѣздить,

1) Въ спискѣ прибавлено — «я».

2) Въ оригиналѣ — *obchytivše*; въ спискѣ ошибочно — «и абіе».

3) Въ спискѣ — «мне».

4) Въ спискѣ — «предавъ».

5) Въ ориг. *Balád*; въ спискѣ — «Билоада», и ниже также.

6) Въ ориг. *i jel jest do rozličných zemí, jména dobrého dobýváje sobě, a to tak daleko, že pro vodu dále ne mohl jeti*. Вѣроятно это про воду и не было понято переводчикомъ, упомянувшимъ о проводникахъ.

7) Въ текстѣ — «начаша».

мыслише¹ себѣ, что бѣ добро сотворити. И наѣхалъ корабль, и видноше въ него со всѣми людьми своими, и съ коньми; и подоша по морю четыре мѣсяца². Во единую же ночь возста вѣтръ и буря вельми сильная, възграся на морѣ волны зѣло велики и бысть корабль носимъ волнами; Брунцвикъ же въ великой печали бысть³. Тогда бысть великой шумъ и звукъ морской страшный, съ великимъ вѣтромъ метало корабль далеко на волнахъ, и три краты ницъ провержеса; и потомъ къ горѣ Акштыновой⁴ прибило ихъ волнами. Они же узриша ту гору, начаша⁵ плакати и тужити зѣло. Брунцвикъ же, слыша таковой шумъ и громъ волненія того, нача между собою глаголати: уже намъ не по счастію нашему стало, но по грѣхамъ нашимъ⁶. Случися какъ егда въ пятнадцати⁷ миляхъ отъ тое горы быша, и поразиле ихъ волна⁸ сильная, и прибило ихъ къ той горѣ Акштыновой съ кораблемъ: та бо гора имѣетъ такову силу — со всѣхъ странъ въ пятнадцати⁹ миляхъ привлекаетъ къ себѣ корабли. Есть бо на той горѣ людіе, яко птицы, пернаты, а дровеса крепы¹⁰ и тваря морскія — многое число; а кто туда доѣдетъ уже оттоль не можно живымъ выгъхатъ, ни же тамъ жити на той горѣ Акштыновой¹¹; иного-же тамо нѣтъ ничего, токмо единъ островъ вельми красенъ и славенъ, а словоетъ желтой¹². Брунцвикъ же, возрѣвъ по острову тому, и видѣвъ многое множество гнилыхъ

1) Въ текстѣ «мыслиша»; въ ориг. — myslí.

2) Въ ориг. — čtvert' léta.

3) Ibid. — u velikém nebezpečení biele.

4) Ibid. — k hoře jakýtynové (агатовой); въ спискѣ всюду «Акшмовой».

5) Въ спискѣ — «нача».

6) Ibid. — Již tepru neštěstie nás potká! A tak se jest pohřiechu stalo.

7) Ibid. — padesát.

8) Ibid. — vuoně silná.

9) Ibid. — u padesáte miléch.

10) Можетъ быть «крѣпкія».

11) Въ место этихъ отдѣльныхъ трехъ предложеній русскаго списка въ оригиналѣ читаемъ: A ta hora má tu moc, což jest u padesáte miléch se všech stran, v okamženie k sobě přitáhne, bud'to lidi, ptáky, ryby i dříví i tváři mořské, a tomu nikdo než věčně při tom jakýtynu zuostati.

12) Въ ориг. — zelator.

кораблей, а въ нихъ много гнилыхъ костей, превеликія громады¹, что видя, Брунцвикъ плакаше вельми, глаголюще: аще кто на страхъ не дерзаетъ, таковъ и желаемаго не получаетъ, морскаго волненія не боится²; и никто же ни о чѣмъ глаголати не смѣяше, токмо о томъ другъ ко другу глаголюще, что имъ случится; и доколѣ у нихъ запасъ былъ что ясти, то и веселы были; егда же запасовъ начатъ нестановиться, тогда вельми стали плакать и всякими хитростями дабы, какъ могли, какими мѣрами отъ той горы³; и то ихъ мудрованіе ни во что бысть, и никакой пользы не пріяша. Егда же возмогоша полѣмили отплыти, и абіе во мгновеніи ока въ томъ островѣ очутишася и недоумѣвахуся, что сотворити и какую себѣ пользу получитьи. Уже имъ запасовъ не стало, они же начаша коней своихъ ясти, а всегда ждущи помощи Божіей. И случися во единъ часъ Брунцвику по берегу гулять, смотрѣлъ — гдѣ обрящетъ что, и узре нѣкую главу и рудѣ, а иногда премѣняется рыбою⁴, а именуется она Европою⁵. Брунцвикъ же нача къ ней глаголати: Зло ли⁶ (ты) или доброе? глаголи со мною. Европа же рече: азъ есмь такова, какову видишь. Я ни худое, ни доброе. Брунцвикъ же рече: буду ли я какое потѣшеніе⁷ имѣть съ тобою? Она же рече ему: часомъ можешь и часомъ не можешь⁸. Слышавъ же Брунцвикъ принялся за нее⁹ за нее и принялъ толикое утѣшеніе было ему¹⁰. Потомъ не стало у нихъ и коней и нача сами себя ясти, а все ждуще помощи Божіа; и уже бо три лѣта минуло въ такомъ ихъ безгодіи.

1) Въ спискѣ — «граматы». Въ ориг. — mnoho zetlelých korábuov, a také lidských kostí i jiných hromady veliké.

2) Передѣлка и ошибка писца. См. переводъ.

3) Въ ориг. odjeti — отъѣхать — пропущенное, вѣроятно, писцомъ.

4) Въ ориг. — uzře jednu rapenskú hlavu a ruce, a ostatek všesko ryba.

5) Ibid. — Еуропа; въ спискѣ — «утробою» въ этой строкѣ и ниже.

6) Ibid. — Zlé-li jsi.

7) Ibid. — utěšení; въ спискѣ — «поспѣшеніе».

8) Въ ориг.: časem mŕožes a časem nemŕožes. Вѣроятно, по ошибкѣ писца, въ русскомъ текстѣ: «чѣмъ можешь и чѣмъ не можешь».

9) Ibid. — přijal jí.

10) Ibid. — a přebýval v ní, a to za utěšení měl. Принялъ, м. б. приб. писцомъ.

Брунцвикъ же остася съ единымъ старымъ рыцаремъ Баладомъ. И рече Брунцвикъ: милый мой Баладъ! снѣ бѣды наши не вѣдаетъ королева моя Неоменія и никто въ нашей землѣ, что прилучися намъ¹. Самъ же Брунцвикъ нача плакати и тосковати. И рече Баладъ: не плачь, милый мой Брунцвиче! Аще убо меня послушаеши, хощу тебѣ нѣчто добро сотворити, ежели² отсюда выдеши, но не вѣмъ того, близко или далеко, да не одинъ здѣсь останеши ся. Егда ты³ выдешь въ свою землю, помяни мою вѣрную службу. Брунцвикъ же рече: о, вѣрный мой рыцарю! какими бо мѣрами могъ бы сотворити, ежели б⁴ мнѣ отсель выѣхать? Слышахъ бо азъ у нѣкоторыхъ людей, аще кто ко оной горѣ приѣдетъ, тотъ уже отъ нея не отъидеть. И рече ему Баладъ: есть птица, называемая ногъ⁵, имѣетъ обычай на всякой годъ сюда поединожды прилетать, и что обрящетъ мертвое⁶ во мгновеніи ока похититъ, и летитъ прочь, и ту годину⁷ онъ знаетъ, въ кое время она прилетаетъ и тебя унесетъ отсюда. И рече Брунцвикъ: вѣрный мой рыцарю! вельми добра дума твоя, аще бы тѣмъ причынымъ пренесеніемъ отсель прелетѣти, нежели здѣ умрети или мое бы счастье нѣкое обрѣтеса, дабы ко властемъ⁸ своимъ щастну прибыть. Тогда Баладъ взя коневью кожу и измаравъ кровію вельми много, и всадивъ въ нее Брунцвика, и съ мечемъ зашивъ крѣпко ремнями, тако жъ положивъ

1) Въ ориг. эти слова принадлежатъ Баладу.

2) Ibid.: chcit' tu gadu dâti, ze odsud vujdes. Переводчикъ или писецъ вм. же — принялъ «ежели».

3) Въ спискѣ — «то».

4) Въмѣсто оригинал. bych.

5) Въ спискѣ — ногти; въ ориг. noh, известная ногъ, ногай или великая птица; у словаковъ — кнохта-птакъ или кнофта-птакъ. Въ Шестодневѣ Георгія Позида — «ногъ» и «ноговичъ». Изд. О. Л. Др. II. стр. 28. Въ сказ. объ индѣйскомъ царствѣ — «нагавинъ» и «нагуй». У Тихонравова, ч. II, 101. У Марко Поло — рукъ (кн. III, гл. 36). Въ 1001 ночи — «рокъ». Въ повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ упоминается «ноготь птичь»; въ книгѣ Левитъ (XI, 13) XVI вѣка — «ногъ» (Востокова Словарь).

6) Въ ориг. mřchy. Въ спискѣ, вмѣсто «прилетать» — «сюда прилетаетъ».

7) Въ ориг.: a tu on hodinu dobře vie. Очевидно, здѣсь онъ относится къ птицѣ, которая у чеховъ мужскаго рода (ptak); а переводчикъ отнесъ къ Баладу.

8) «Ко властемъ» вмѣсто — «къ волостемъ»; въ ориг.: k svým vlastem.

его на горѣ той же. Въ девятый день прилетѣ ногъ¹ птица и подхватише Брунцвика во мгновеніи ока и полетѣ она на пустыя горы толь далеко, егда можетъ простыйъ человекъ въ три года до мѣста того дойти, та же птица принесе его въ три дни и положи его между дѣтей своихъ, надѣясь, что мертвое какое нибудь стерво, а сама (паки?) полетѣла на другую страну для потребности² своей по обычаю своему. Брунцвикъ же бысть въ великой печали³. Егда же птицы расторгати⁴ конскую кожу стали между собою со гнѣвомъ и кричаху вельми, понеже объять ихъ гладъ, Брунцвикъ же, выскочивъ съ мечемъ своимъ, и нача съ ними битися. Птицы же налетавъ на Брунцвика, хотѣша его съѣсти; онъ же бился съ ними многое время и всѣхъ ихъ посѣче. И нача Брунцвикъ тѣхъ птицъ ясти, и мало обвеселися и укрѣпился отъ глада. Пишетъ бо (ся) о томъ въ иныхъ книгахъ, иже всякая птица столь сильна, что по камню носить можетъ⁵, а таковыя есть великіи, что съ единыя горы на другую ступать можетъ, а имѣютъ на ногѣ по три ногтя, и тѣхъ бо птицъ не много есть, понеже сами бьются и другъ друга изъѣдаютъ во время ихъ глада.

Егда же Брунцвику помогъ Богъ побити тѣхъ птицъ, нача дивитися, и возста отъ того мѣста, нача съ великимъ страхомъ бѣжати; тамо бо горы пустыя сльвуть, и ничего тамо: ни человекъ, ни звѣря, ни птицы нѣтъ, токмо тѣ птицы. Брунцвикъ же девять дней и девять ночей блудилъ по пустынямъ и горамъ, и что далече идетъ — гора горы больше и выше.

Прилучися же Брунцвику въ нѣкое время снити съ горы

1) Въ спискѣ — «ногъ».

2) Ibid. — na jinu vnađu.

3) Ibid. — u velikém nebezpečení.

4) Въ спискѣ: «расторгоше.»

5) Въмѣсто «по камню» вѣроятно въ переводѣ было «по коню». Въ ориг.: každý ten pták jest tak silný, že na každý razneht muoŕ jeden kuoi vziati. Въ Шестодневѣ Георгія Пизиды читаетъ: *Фкѣдѣ жи ногъ вѣлмочною вѣзма снаю и вѣла исторгъ гетовымъ хмцинимъ и крылатъ лѣтати* (стр. 28). Марко Поло тоже сообщаетъ о птицѣ рукъ, что она такъ сильна, что «схватываетъ когтями слона и уноситъ его съ собою на воздухъ». Кн. III, гл. 36.

въ нѣкоторый между горами долъ вельми глубокой; и услыша Брунцвикъ зукъ и шумъ великъ зѣло. Брунцвикъ же, остановясь послушивая; зукъ же и шумъ нача больше быти. Егда Брунцвикъ приде на гласъ той велій, и увиде звѣря льва и змія дракона¹ біющихся между собою. Брунцвикъ же, близь стоя, нача мыслити, и моляся Богу и глаголя: Боже вѣчный, которому я могу — льву или змію помощи, повѣждь ми! И помысли: для сего льва звѣря выгѣхаль изъ своей земли, страхъ и ужасъ имѣю, не вѣмъ, что мнѣ случится! Сотворю помощь льву. . . . И вынявъ мечъ свой, и прискочивъ ко змію скоро, и сразися съ нимъ² битися, заступая льва. Уже бо и льву было вельми тяжко; той же драконъ зміѣй³, имѣя у себя девять главъ, и ото всякой главы огонь, яко изъ пещи⁴ исходить. Брунцвикъ же въ великой печали бысть, понеже бо тотъ драконъ зміѣй нача его жещи, а съ другую страну боится льва, озирается вельми. Видѣвъ же левъ великую помощь и заступленіе Брунцвиково, паде на землю опочинуть⁵ мало: се бо отъ зміѣя утомленъ; Брунцвикъ же въ то время бился со зміемъ вельми, изсѣкъ етаго зміѣя шесть главъ; той же зміѣй возъярився вельми и нача Брунцвика огнемъ жещи и хоботомъ бити, и на землю поражати многожды и вельми его утомилъ. Уже Брунцвикъ со зміемъ бился съ великою нуждою⁶.

Видѣвъ же то левъ, прискочи и расторже змія на двое съ великимъ гнѣвомъ, и нача рвати на мелкіе части и разметаше его. Видѣвъ же Брунцвикъ силу львову начатъ боятися, чтобъ ему то же не сотворилъ, какъ змію дракону, и оттолѣ поиде прочь, хотяше отбыти льва; левъ же не восхотѣ оставити Брунцвика; Брунцвикъ же оглянулся назадъ, а левъ за нимъ идетъ. Брунцвикъ нача мыслити, какъ бы избыти льва, и, набравъ себѣ

1) Въ ориг. только — зай.

2) Въ ориг.: i роѣ (se) s ni biti. Вѣроятно переписчикъ опустилъ — нача.

3) Ibid. только — drak.

4) Въ текстѣ: «яко свѣща исходятъ», конечно по ошибкѣ писца. Въ ориг.: Oheň jako z vŕhně.

5) Въ ориг.: odpočinul sobě.

6) Въ ориг. — s velikú nůzí se bránil.

желудковъ дубовыхъ¹ сколько могъ, понеже не имѣя ничего ясти; и тако помышляя въ себѣ: взыду на высокое древо, доколь отъидеть отъ него левъ прочь. Егда же Брунцвикъ взыде на древо, и сидѣлъ три дни и три нощи. Левъ не хотя отъ него отстати, но все тутъ подѣ древомъ пребывая, и въ верхъ на заднихъ ногахъ подымаяся и смотря на Брунцвика вельми жалостно. И подняся на заднія ноги и закричалъ изо всей силы толь сильно, что подѣ нимъ земля потрясеса; Брунцвикъ же отъ великаго того гласа утрашися, паде на землю и убися вельми. Видѣвъ же то левъ и побѣже отъ него прочь вскорѣ, и накопавъ коренія и принесе во устахъ своихъ къ Брунцвику. И тако отъ того кореня великое облегченіе принялъ — ото львова усердія и промысла. Левъ же, имѣя великое радованіе о Брунцвикѣ; Брунцвикъ же не вѣрише льву и зѣло его бояся. Нѣкогда же бысть таково время — Брунцвикъ былъ гладенъ и не имѣя что ясти. И видѣвъ левъ его гладна, и побѣжавъ по пустынямъ нача искати, и узрѣвъ серну² и догнавъ ее, и разорва ее на двое и вложи во уста своя часть нѣкую мяса и испече, яко въ печи жарко и положи предѣ Брунцвика. Видѣвъ же Брунцвикъ великое радѣніе къ себѣ и вѣру ятъ льву, начатъ любити вельми.

Нѣкогда же левъ, гоняся за вепремъ и истомился вельми и прииде покорно, положи главу свою Брунцвику на колѣни. Брунцвикъ нача его гладити и укрощати³ его вельми; потомъ же почиша Брунцвикъ и левъ отъ многого пути. И тако возста(ша) и пойдоша между великими горами и лѣсовъ, и тамо бродили много время на тѣхъ высокихъ и пустыхъ мѣстахъ и горахъ, и левъ всегда за нимъ, не отставаяся и пицу ему добывая.

Случися же Брунцвику выидти на высокую гору, и влѣзе на высокое древо, нача смотрити дабы⁴ гдѣ увидитъ градъ или мѣсто⁵ какое и узрѣ на морѣ градъ великій далеко. Сопедше

1) Въ ориг.: i nabrav v sebu žaluduov a bukvis.

2) Въ спискѣ — «серку»; въ оригиналѣ: vgnu.

3) Ibid.: «украшати»; въ ориг.: krotiti.

4) Въ ориг.: zdaliby.

5) Ibid.: hrad anebo město; переводчикъ не отличилъ значенія чешскихъ словъ; это смѣшеніе неоднократно повторяется въ спискѣ.

съ горы, и падъ на колѣни своя моляся¹, дабы ему помощь подагъ въ бѣдахъ и въ напастѣхъ; бѣ бо въ то время не видалъ и не находилъ никакого пути; куда очи его ведутъ и мысли — туда идетъ. И тако поиде къ морю тому пустому и иде пятнадцать дней и приде къ морю, не обрѣтъ пути ни корабля великомъ бысть². И нача мечемъ дресеса сѣщи и прутья, и нача въ громады³ таскать, и сдѣлаше себѣ плотъ, и совлекоше въ воду. Левъ же отлучися въ то время ради пищи себѣ и замѣшкавъ малое время, гоняючись за звѣрьми. Тогда Брунцвикъ хотя отбить льва и отпихнулся⁴ отъ брегу и поѣхалъ по морю, а левъ въ то время поималъ дивяго⁵ вепря и принесе во устахъ своихъ на брегъ, и узрѣ Брунцвика въ морѣ пловуща, и разгнѣвашеся вельми, и скочивъ въ море за Брунцвикомъ, держа во устахъ своихъ дивяго⁶ вепря. И егда доплыше до Брунцвика и ухватишеся за плотъ передними ногами.

Видѣвъ же то Брунцвикъ, что левъ его не оставляетъ и никогда не хоцетъ разлучитися отъ него, и нача Брунцвикъ помогати льву съ великою нуждою⁷. И тако левъ взыде на плотъ; Брунцвикъ же въ великой печали бысть едва удержался на плоту, и немного не спаде въ море. И плыша по морю со львомъ, овогда по колѣна⁸ и до пояса въ водѣ. И тако плыша долгое время, съ одного конца Брунцвикъ, а съ другого левъ. И тако другъ другу не даша потонати⁹. И плыша девять дней и девять ноцей между горами великими, въ темности¹⁰ великой.

Егда же выплыша изъ тѣхъ горъ и узрѣша гору вельми

1) Вѣроятно, пропущено «Богу». Въ ориг.: i prosil rána Boha.

2) Въмѣсто послѣдняго безграмотнаго предложенія въ ориг. читаемъ: a stoje nad mořem roče mysliti, kterakby k tomu hradu mohl přijíti. Въ ошибочнаго текста могло быть: «не обрѣтъ пути, ни корабля, въ горѣ великомъ бысть».

3) Въ спискѣ — «въ граматы»; въ ориг. — na hromadu.

4) Въ спискѣ — отпихнулся.

5) Въ спискѣ — «дивнаго»; въ ориг.: vepř divoký.

6) Въ спискѣ «дивнаго.»

7) Въ ориг.: s velikú nesnadností.

8) Ibid — do hrdla.

9) Въ спискѣ «потонати»; въ ориг. utonúti.

10) Въ ориг. — u veliké tmě.

далече свѣтящу¹, аки огонь. Егда же приплыша къ горѣ той, Брунцвикъ же, вынявъ мечъ свой и ударивъ въ гору сильно мечемъ и отшибъ великой кусъ горы той, и упаде къ нимъ на плотъ, яко глава человѣческая. Та бо гора славна, именуема карбункулусъ², камень самоцвѣтной ломають отъ сея³ горы; та бо вельми чиста и свѣтло свѣтится⁴ отъ нея (и) далече идетъ. Изъ тѣхъ мѣсть темныхъ выгѣхаша и узрѣша градъ той, поидоша къ нему. И егда пріидоша къ нему, и нача Брунцвикъ дивитися⁵, зря на различныя страны и красоты, и чудеса морскія, много узорочія около града того. Градъ же той вельми красенъ. И рече Брунцвикъ себѣ: аще будетъ во градѣ семь добро мнѣ, и азъ пребуду въ немъ до времени⁶, но уповаю на волю Божию, поѣду во градъ, аще что (и) прилучится мнѣ терпѣти! Егда же вниде во градъ, объятъ его великій страхъ, и ужасъ нападе на Брунцвика. И узрѣвъ короля града того Олибриуса⁷: сей король, аки волотъ великъ собою⁸, очи имѣетъ напередѣ и назади, а перстовъ имѣетъ на каждой рукѣ по осьмнадцати. Около его множество людей различныхъ бяху бо: овѣи объ одномъ глазѣ, а иные объ единой ногѣ, а иные имѣють рога долги, овѣи о двухъ главахъ⁹, у иныхъ песьи главы, а другіе — половина головы бѣла, а дру-

1) Въ списокѣ «цвѣтущу»; въ ориг.: *ano se ta hora svéti jako plamen.*

2) Въ ориг. *karbunkulus*; въ списокѣ «коровихъ кулубъ». Въ «Сказаніи о Индѣйскомъ царствѣ» находимъ карбункулъ въ словахъ: «а всѣмъ есть каменемъ мать — камень кармакоулъ, въ ноци же свѣтится, аки огонь горить» и «а во всякомъ столпѣ по драгому камени кармакаулу, и въ ноци свѣтится аки отъ огня» (Баталинъ, 121, 123). Въ азбуковникахъ — «карфамуколосъ». Сказ. Р. Н. Кн. V, стр. 163.

3) Въ списокѣ «нея».

4) Въ ориг. *a to světlo od té hory jim svietíše.* Очевидно переводчикъ думалъ, что здѣсь *světlo* — нарѣчіе.

5) Вслѣдъ за этимъ, въ оригиналѣ вмѣсто испорченнаго русскаго текста, читаемъ: *ano rozličné potvory mořské okolo něho bieschu. Hrad převelmi krásný bieše, ale na něm potvory mořské všesko bieschu.*

6) Въ ориг.: *Bud' zlé nebo dobré, mučt' jest na tom hradě býti, bych měl ne viem co trpěti.*

7) Въ ориг. *Olibrius*; въ списокѣ всюду — Алембриусъ.

8) Этого предложенія въ оригиналѣ нѣтъ.

9) Въ списокѣ «глазахъ»; въ ориг.: *o dvě hlavú.*

гая черна, а нныя, яко лисицы, красны, и всякіе чудные люди¹. Тогда объять Брунцвика страхъ и ужасъ великій: бѣ бо зукъ и шумъ людей тѣхъ великъ зѣло: овѣн поють, а нныя лають, яко пси ворчатъ, а другіе страшными различными гласы кричатъ: бѣ бо отъ нихъ служба, королю своему честь воздають. Брунцвикъ же нача отъ нихъ прочь отступать и хотя отъ нихъ отбытъ. Видѣвъ же король Олибриусъ, нача глаголати: Брунцвиче! твое азъ нма знаю; когда убо въ нашихъ странахъ и во властехъ славныи человекъ, а иже бо нами невѣдомъ, то бы вопрошали у тебя²: волею ли пришелъ еси или нуждою? Брунцвикъ же рече: по воли своей, королю Олибриусе, изыдохъ³ изъ своей земли, а нынѣ мнѣ прилучися терпѣть по грѣхомъ, а не по счастью моему: та бо моя волокита великую даетъ мнѣ кручину⁴. И рече король Олибриусъ: Брунцвиче, вѣдомо тебѣ буди о семъ, и еще⁵ тебѣ съ нами здѣ жити въ нуждѣ, аще⁶ хочешь тако учинить — дочю мою Африку выручить и привести сюда. Уже бо три гѣта минуло, какъ дракономъ василискомъ⁷ змиемъ унесена бысть во островъ⁸ именуемой Арапія⁹; а стоитъ тотъ островъ на пустомъ морѣ¹⁰. Тако бо человекъ не заходятъ, и отсюда триста миль будетъ. Тако ежели учинить, то и азъ сквозъ желѣзные врата — кого

1) Въ Сказаніи объ Индійскомъ царствѣ читаемъ: «есть у меня во единой странѣ люди нѣмы, а въ другой странѣ люди рогаты, а во иной странѣ люди велицы 9 сажень, то словутъ волотове, а нныя люди четвероручныя, а нныя люди половина пса, а другая человекъка...» (Баталинъ, 120—121; у Тихонова Лѣтоп. II, 100—101).

2) Въмѣсто этого испорченнаго текста, въ оригиналѣ читаемъ: *tvé jmeno dobře víem, ač toho ve v našich vlastech nikdy nepřihodilo, by takový člověk mohl mezi námi vidien býti.* Можетъ быть вмѣсто убо въ переводѣ стояло бы или былъ; вмѣсто иже бо — иже бы (бысть).

3) Въ спискѣ «изыде»; въ ориг. — *ven vujel.*

4) Въмѣсто этого запутаннаго текста, въ ориг.: *a již mi se, pohřechu! tato má nešťastná příhoda z veliké nůze děje.*

5) Въ текстѣ «аще». Въ народномъ изданіи ближе къ русскому переводу: *Wězjě to....*

6) Для ясности текстъ нуждается въ прибавкѣ здѣсь «не».

7) Въ ориг.: *od draka Basiliska.*

8) *Ibid. na hrad.*

9) Въ текстѣ «Крапія»; въ ориг. *Arabia.*

10) Въ текстѣ «полѣ»; въ ориг.: *na pustém moři.*

хощу, того и пропущу. А окомѣ тѣхъ желѣзныхъ вратъ иного пути нѣтъ въ твою землю, и не можно тебѣ пройти. И рече ему Брунцвикъ: королю Олибриусе! то ¹ мнѣ дивно, что ты по имени меня знаешь; а что мнѣ глаголешь о дщери своей, о томъ въ великой мятежъ вводиши. Буди тебѣ вѣдомо, аще ли тако учинишь, что обѣщаешься — сквозь желѣзныя врата пропустить и проводить до моей земли, — аще ли то истинно сотвориши, даждь мнѣ вѣрное слово, да и азъ учиню тако; призову Бога моего на помощь къ себѣ и пойду добывать дщерь твою. Король же обѣщася тако сотворити, и нача Брунцвика чествовати и дарити. Брунцвикъ же опочинулъ, долгое время отъ великаго утомленія и морскаго волненія повременивъ ², повелѣ приправити корабль, взя съ собою мяса, что со львомъ ясти и пити было бѣ на полгода ³; и взя съ собою проводниковъ, и сяде въ корабль и со львомъ, и поиде по морю ко острову Арапін ⁴.

И какъ Брунцвикъ приѣде ко граду и нача дивитися на различныя красоты, понеже тотъ градъ вельми красенъ; и привязавъ корабль поиде на островъ тотъ.

Егда же Брунцвикъ поиде со львомъ къ первымъ вратамъ града того и узрѣвъ у вратъ двухъ звѣрей — вельми пригожи ⁵ лежать на серебряныхъ цѣпяхъ прикованы, стрегуще врата градскія; имена тѣмъ звѣрямъ — монетрусы ⁶, велики бо зѣло потвари ⁷ морскія, сирѣчь удивлена ⁸, сильны вельми, а главы у нихъ человѣческія, а тѣло коневье, хвосты свиные. Егда же увидя Брунцвика со львомъ идуща, и возсташа и стряхнушася ⁹. Тогда весь градъ потрясся, и со гнѣвомъ великимъ на Брунц-

1) Въ спискѣ «тому». Можетъ быть ошибка переписчика. Въ ориг.. *toto mi jest.. divno..*

2) Этого предложенія нѣтъ въ ориг. XV вѣка.

3) Въ ориг.: *za pět měsícuov.*

4) Въ текстѣ «Краплю.»

5) Въ ориг.: *uzří ukrutných dvě zvířat.*

6) Въ ориг. *Monetrus*. Въ спискѣ — «манитрусы».

7) *Ibid.*: *veliké potvory bieschi.*

8) Неясная прибавка; въ оригиналѣ нѣтъ.

9) Въ ориг.: *hněvivě se třesechu*. Въ спискѣ — «и возста и стряхнушася».

вика устремилшася. Брунцвикъ же, вынявъ свой мечъ, и нача съ ними битися мужественно, и хотя проити врата; они же начаша¹ его одолѣвати. Брунцвикъ же изнемогаше; видѣвъ же то левъ, что Брунцвикъ изнемогаетъ, и разбѣгшися² вельми на единого звѣря, и со гнѣвомъ растерза на двое, такоже и другаго звѣря растерза на двое; прошли первые ворота; потомъ же подоша къ другимъ воротамъ, и узрѣ другихъ звѣрей сильнѣй тѣхъ, и больше, и страшнѣе; а называютъ ихъ Кляте³, имѣють у себя по два рога, долги мѣрою, яко два локтя, а остры, яко бритва; обычай имѣють таковъ: когда съ кѣмъ начнутъ битися, тогда единымъ рогомъ бьется, а другой на хребтѣ лежитъ; а какъ другой рогъ ему сломятъ⁴ — и онъ другимъ бьется; а тѣ звѣри никого не боятся, токмо крестнаго знаменія⁵, и таковы удалы: каковы на землѣ, таковы и на водѣ сильны. Брунцвикъ же нача и съ ними битися, и бился съ ними вельми сильно и крѣпко; левъ же ему во всемъ помогалъ, и тѣхъ двухъ звѣрей съ великою яростію растерза на двое. И тако вторыя врата проидоша. И какъ преидоша къ третымъ вратамъ, и узрѣша двухъ звѣрей великихъ зѣло и страшныхъ; имена тѣмъ звѣрямъ — Сидфоры⁶, шерсть на нихъ, аки медвѣдь⁷, а роги⁸ діавольскіе, зубы конскіе черны, челюсти велики зѣло — можетъ человекъ проглотить. И тѣхъ звѣрей звѣріе земные боятся. И нача съ ними Брунцвикъ битися, упованіе на Бога положи, и бился съ ними столь сильно и крѣпко; и, можетъ, зукъ и шумъ во отоцѣхъ⁹ морскихъ слышано было. Но по грѣхамъ левъ остался, и звѣри его едва

1) Въ спискѣ — «нача».

2) Ibid. — «разбѣгшеся».

3) Въ ориг. — Glato.

4) Ibid.: a kgyž jemu jeden ustane..

5) Въ ориг.: než červené barvy.

6) Ibid. — Sidforové; въ спискѣ — «сидфоры».

7) Въ спискѣ — безсмыслица: аки камень видѣвъ, вслѣдствіе ошибки переписчика, не разобравшаго слова медвѣдь или медвѣдина, вмѣсто ориг.: arstí bieschu jako medvĕd, что Фейсаликъ почему-то передаетъ: mit Bärenkrallen.

8) Въ текстѣ «рожи»; въ ориг. rohy.

9) Переводчикъ не понялъ оригинала: u mořakých zátokách slyšiechu.

не проглотили¹. Но Господь Богъ помиловалъ, и левъ услышалъ. и прыскачи скоро, и видѣ Брунцвика бѣющася крѣпко, и уже изнеможетъ, и собравъ левъ всю силу свою и нача съ ними драгтися и растерза ихъ на двое. И тако проидоша третїи ворота.

И потомъ внидоша во градъ, и видѣ во градѣ томъ различное украшеніе, а человекъ въ немъ не видѣтъ: никой² бо тамо человекъ не заходитъ; а злата и сребра многое множество, а иного ничего нѣтъ. Егда же пришли на королевской дворъ, и внидоша въ полату³, и видѣвъ Брунцвикъ дѣвицу Африку вельми прекрасну, а рудѣ имѣя до пояса, имѣя два хвоста, яко змѣвы хоботы. Егда же Африка увиде Брунцвика и рече: кто еси ты и откуда прииде? и како ти есть имя? Онъ же рече: азъ есмь Брунцвикъ, а родомъ королевичъ чешской земли, а посла меня отецъ твой Олмбріусъ⁴ по тебя. Она же нача дивитися тому, како семо пришелъ еси, и какъ могъ пройти трои ворота. Брунцвикъ же рече: я пришелъ отсюда ты извести, аще могу; а отецъ твой за то обѣщалъ меня проводить въ мою землю. Африка же рече: милый мой Брунцвике! не можно сего слушати, не токмо видѣти, еже ты глаголеши; аще бы ту имѣлъ у себя хотя сто человекъ сильныхъ и храбрыхъ, то бы тебѣ⁵ съ тѣми великими звѣрьми битися, которые у вратъ и мимо ихъ шелъ еси, и (съ) здѣшними тварьми⁶ морскими, сирѣчь чуды⁷. Токмо скажи, милый мой Брунцвикъ, спятъ ли тѣ звѣри или у вратъ нѣтъ ихъ? како

1) Переводчикъ не понялъ текста: ale pohřieschu, by Boha napřed a lva nebylo, bylo by již na mále zdraví Bruncvíkovo.

2) Въ текстѣ «никая».

3) Въ ориг.: na ten palác.

4) Въ спискѣ: Алембріусъ.

5) Вѣроятно пропущено слово «не совѣтовала»; въ позднемъ чешскомъ изданїи (1779): «negadila».

6) Въ текстѣ «утварьми»; въ ориг. potvoraми.

7) Неясность русскаго текста оправдывается неясностью оригинала: Ó milý Bruncvíce! nesnadnáť jest věc ta; by měl silu tisíce mužův, ješčet' bych se kázala s nimi ve všemí radějíe bíti, nežli s těmito rozličnými (zemskými) a mořskými potvoraми. Фейфаликъ неточно передаетъ эти слова: O lieber Bruncwig, hätte einer tausend Männer Stärke, doch könnte er jene Unthiere an den Pforten nicht besiegen. При переводѣ оригинала указанъ вариантъ по позднѣйшимъ изданїямъ.

ты мимо ихъ прошелъ? Брунцвикъ же рече: Африка! скажу тебѣ о сихъ вашихъ звѣряхъ, что спать и долго будутъ спать. Африка же рече: коли звѣри спать, и ты, милой мой Брунцвикъ, изъ града сего бѣги борзо и бережно, чтобъ звѣри не услышали; а отцу моему скажи, что я въ добромъ здравіи; а какъ меня берегъ, за то бью¹ челомъ. И рече Брунцвикъ: милая Африка! аще мнѣ живу быти или умрѣти, въ томъ воля Божія! Да будетъ зло или добро, а я безъ тебя не отъиду отсюда. Егда же то Африка услыше, нача съ прилежаніемъ смотрѣти, и нача его любезно цѣловати и посадила подлѣ себя, объемъ его, нача глаголати: милой Брунцвикъ! когда ты не хо(ще)шь отсюда безъ меня отойти, то дамъ тебѣ перстень, и ты не моги забыть, когда тебѣ страхъ найдетъ; и ты, не мѣшкавъ, положи его на правую руку: той бо перстень имѣетъ силу противу пятнадцати² чело-вѣкъ. Отецъ мой когда бился за меня со змѣемъ василискомъ, хотя меня отъяти, и много перстней накладывалъ на руку свои и инымъ давалъ накладывать³; однако же ничто же успѣло, понеже нѣтъ такого перстня, какимъ я тебя даровала; ибо тотъ перстень сотворенъ волшебнымъ чарованіемъ, и рече Африка: какъ ты меня хочешь отсюда извести единъ? Потомъ нача Африка горько плакати, а отца своего стала поносить, глаголаше: о злый и невѣрный мой отецъ! лучше бы ты самъ меня своими руками убилъ въ своей землѣ, нежели мнѣ терпѣть такую жалость⁴. Посмотри, Брунцвиче, и виждь: златымъ поясомъ опоясываетъ бо меня двѣма хвостами гадовыми до пояса, а на всякой день опоясываетъ меня до полудня тѣми хвостами василискъ змій драконъ, а иногда жь и цѣлую ночь обычай имѣетъ таковъ: лежитъ со мною до полудни и до темныя зари на моемъ⁵ лонѣ, а иногда со мною ничего не дѣлаетъ, токмо для потѣшенія имѣетъ

1) Въ спискѣ «бей»; въ ориг.: jemu děkuji.

2) Въ ориг.: má XXIV mužov sílu, то-есть — ten prsten má čtyřmecsýtna mužův sílu, какъ читаемъ въ народномъ изданіи.

3) Оригиналъ не повялъ: Nebo otec muoj na to několiko tisícov naložil.

4) Оригиналъ: než si mi tu velikú žalost' obnovil.

5) Въ текстѣ «моей»; въ ориг.: na mém luoně.

мя, да вѣдомо тебѣ Брунцвиче буди; аще же еще полчася не отыдеши отсюда, то тебѣ горшая бѣда будетъ.

Слышавъ же то Брунцвикъ отъ нея, нача молитися Богу, дабы ему Богъ помощи подалъ и заступилъ своею милостію. Егда же приде той часъ тогда змій василискъ драконъ нача подыматися изъ той своей скимы¹ сирѣчь пещеры — изъ ложницы своей. Тогда потрясся весь градъ. Африка же рече: помни себе Брунцвиче! не утрашися и не отыди отсюда никуда: уже бо часъ приде попеченія² твоего; и никогда же бо ты страха такого не видалъ и не слыхалъ. Тогда начатъ бысть крикъ, пискъ и шумъ страшный и зукъ сильный отъ гадовъ³ тѣхъ; аще бы и въ десять трубъ трубили, такъ и трубнаго гласу не слыхали бъ, какъ отъ того писку и шуму; тогда паде со всѣхъ странъ многое множество гадовъ различныхъ — змій, скорпіи, ящерицы и всякія твари морскія, гады ядовиты хотяху Брунцвика убити. Брунцвикъ же нача съ ними битися и побивати ихъ и на полы пресѣкати, а гадъ и больше того прибываетъ; ови бо тонки и долги⁴, а иные толсты, яко бревва, а иные діавольскими⁵ гласы кричаша. Брунцвикъ же не утрашися и не убоися, и бился съ ними крѣпко, и бродилъ въ крови по колѣна и до пояса, а левъ тако же рваше и растерзаше на двое и по всѣмъ странамъ разметывая.

Видѣвъ же то драконъ змій василискъ, что слугъ его побиваетъ и разгнѣвася гнѣвомъ великимъ зѣло, начатъ свистати и поиде на Брунцвика, хотя его убити, и покрылся золотою короною: бѣ бо вельми толстъ⁶, яко великая каѳудина греческая гора,

1) Испорченное чешское jeakupě. Въ ориг.: Basiliscus hne se v té své jeskyni.

2) Въ ориг.: již máš v takém nebezpečnosti býti.

3) Въ ориг.: «отъ змѣй»; въ ориг.: zvuk od hadův.

4) Слѣдующее предложіе начинается въ оригналѣ съ druzí, и новое за нимъ тоже съ druzí, почему переводчикъ, не уяснивъ этого druzí — druzí, и вставилъ цѣлое предложіе, начинающееся съ ови.

5) Въ текстѣ «дьявольскіе»; въ ориг.: ďabelskými hlasy křičiechu.

6) Въ текстѣ «толста»; въ оригналѣ: tlustý jako drabiny; послѣднее, объясняется Палковичемъ, какъ Flechten auf dem Wagen, od. Wagenleiter; въ словарѣ Даля находимъ: Дро(а?)бина — деревянная приставная лѣстница, Юж.

имѣюще бо у себя осьмнадцать хвостовъ, сирѣчь хоботовъ¹, и бяху бо оныя остры, яко единымъ ударомъ можетъ великое бревно пересѣчь. Брунцвикъ же нача ужасатися зѣло вельми и тужити, однако жь Бога себѣ на помощь призываетъ и тако сразися со змиемъ дракономъ. Змій же нача Брунцвика бити и одолѣвати, и къ землѣ часто приклоняти и о землю многожды ударяти. Брунцвикъ же паде на землю ниць, а левъ его заступая; и виде левъ, яко Брунцвикъ изнемогаетъ, и собра левъ всю силу свою и разъярися зѣло, и лють рыкая много, изъ усть его яко пламя исходя, рыкая около змія гордо, и скакаше, рвуще хвосты его ногтями своими. Брунцвикъ же воста отъ великія нужды и ранъ великихъ, и побѣгоше ко льву. И тако другъ другу помогающе и бьюще ся со змиемъ сильно и отъ утреннія зари до полудни. Брунцвикъ же весь въ крови едва съ великою нуждою противъ змія дракона стояше: бѣ бо уже утомленъ весьма и раненъ зѣло, падаетъ на землю, аки мертвъ; левъ же вельми сожалѣя о Брунцвикѣ, рыкнулъ великимъ гласомъ, изъ очей его отъ ярости яко кровь истекуща, нача около змія дракона скакати и когтями своими крѣпко рвати; змій же не мога въ ярости обратитися, и по землѣ валяется, яко гора великая. И тако левъ оборвалъ у змія всѣ хвосты его съ великимъ гнѣвомъ; Брунцвикъ же еще съ великою нуждою воста и нача паки со змиемъ битися. И тако поможе имъ Богъ убити змія василиска. И абіе потекоша изъ него потоки кровавыя², яко рѣки. Брунцвикъ паде на землю, яко мертвъ, не бысть отъ него гласа на долгъ часъ; левъ стоя надъ нимъ въ жалости великой, дѣвица жь Африка вельми адъ нимъ жалко плакала.

Видѣвъ же левъ, яко ничто же можетъ сотворити умирающему своему господину, и побѣжа изъ града вонъ, нача скакати

МЛРС., простая конная телега съ рѣшетками, вѣсенками по бокамъ. Кур.—Какимъ образомъ попала въ русскій текстъ «кваудина греческая гора» — трудно объяснить; вѣроятно отъ неумѣлаго чтенія перевода выраженія: jako drabiny.

1) Въ ориг.: mějiše osmnácte ocasuov a obnoží hadových. Obnoží или Odnoží значитъ отиожина = отрогъ, вѣтвь, а не хоботъ.

2) Въ ориг.: až z něho pramenové jako potokové tečiechu, а въ народномъ изданіи: pramenové gedy jako potokové tekli.

и рыскати по острову тому, гдѣ созданіе града того, искаше былія и коренія дабы чѣмъ оздравити Брунцвика. И тако накопавъ коренія и принесе, и обლობызавъ всѣ раны Брунцвиковы языкомъ своимъ, и покры быліемъ его; дѣвица же Африка сотвори отъ коренія разные составы и вымазаше великія раны, и въ десять дней¹ едва его излѣчили. Возста Брунцвикъ и проглагола: милая моя Африка! вѣдай, что такое зло за тебя претерпѣвъ. Поѣдемъ нынѣ ко отцу твоему. Она же объеъмъ его съ радости нача цѣловати любезно, и рече: милой мой Брунцвикъ! хощу съ тобою со всею радостію ѣхать ко отцу моему. И тако набраша себѣ безчисленное богатство злата и сребра, и каменія драгоцѣннаго и всякаго изобилія, взяли съ собою. И сяде Брунцвикъ и Африка, и левъ съ ними, въ корабль и поѣхаша ко граду къ королю Олибриусу. Егда же пріѣхаша ко граду, король же Олибриусъ стрѣте Брунцвика и дочь свою Африку съ честію, и принявъ своими руками и рече милостивое слово: здравъ буди, Брунцвиче!² и сіе буди тебѣ извѣстно, что дочь свою Африку хощу тебѣ въ жену дати и все богатство вручу тебѣ. Брунцвикъ же тому и не радъ бысть, но всегда помышляя, како бы ему въ королевство свое доѣхати...³ Въ едино же время король Олибриусъ устроилъ⁴ (тракт)аментъ и созвалъ бояръ своихъ на бра(чное) веселіе, король же веселящеся мно(го).

(И прилуч)ися Брунцвику возмещи спать (съ тою дѣвицею; и) возста Брунцвикъ отъ ложа (.)ять единъ и поиде въ нѣ(кую) полату; бѣ) бо она незаперта. и (тамъ у)зря въ углу мечъ вельми остръ и угоденъ ему, вложи его въ ножны своя и положи на томъ мѣстѣ свой мечъ, и поиде изъ полаты ко Африкѣ своей и ляже съ нею на постелю. Потомъ нача вопро-

1) Въ ориг.: v devieti dnech.

2) Въмѣсто «здравствуй» вполне соответствуетъ оригиналу: Zdráv bud, Brunčviče.

3) Вѣроятно, пропущено: «согласился», согласно съ оригиналомъ: A k tomu Brunčvik, ač negad, přivoli.

4) Слѣдующія выраженія, заключенныя въ скобки, сообщаются по догадкѣ, сообразуясь съ оригиналомъ, такъ какъ въ спискѣ уголь странички оторванъ.

шати: повѣждь ми, милая Африка, како(й) мечъ въ полатѣ лежитъ обнаженъ, яко бы мнится мнѣ великаго и крѣпкаго кавалера сей мечъ? Она же слыша и умолча, ничто же глаголаше ему. И тако уснуше Брунцвикъ; Африка же возста рано поутру и пойде скоро и запре ту полату десяти замками¹; потомъ пришедь, ляже подлѣ Брунцвика.

И по маломъ времени рече ему Африка: Дивлюся азъ сему, Брунцвиче, како ты еси тотъ мечъ увидѣлъ! Аще бы ты вѣдалъ, что тотъ мечъ въ себѣ силу имѣеть и много искусства, ты бы сему удивился! А такова въ немъ вещь и искусство учиненное волшебствомъ: кого онъ возлюбитъ, тому и служить будетъ.² И рече Брунцвикъ: любезная моя Африка! повѣждь мнѣ о такой его вещи: ты бо вѣдаешь силу его. И рече Африка: хочешь ли³ подлинно вѣдать о немъ, скажу ти. Той бо мечъ имѣеть такову силу въ себѣ: когда бы ты его вынулъ изъ ноженъ и рекъ⁴ бы ему: сними единому человѣку главу, или десяти или сту человѣкамъ главы, то скоро ихъ посѣчетъ. Брунцвикъ же о томъ крѣпко во умѣ своемъ держить. Потомъ не въ кое время случися Брунцвику со львомъ гулять по берегу морскому, и прииде къ нему нѣкій звѣрь дивный косматъ; и видѣвъ его, Брунцвикъ вынявъ мечъ той, хотя его извѣдати. Мечъ мой! сними сему звѣрю главу. И въ единъ моментъ съ того звѣря отнята глава. Брунцвикъ же бросилъ главу въ море⁵. И тако испытавъ въ мечѣ правду, и самъ о томъ радъ бысть.

По нѣкоемъ же времени бысть Брунцвикъ у тестя своего

1) Ориг.: na devět zámkuov.

2) Въ ориг. говорится только о свойствѣ (mocí) меча, и ни объ его «искуствѣ», ни о «волшебствѣ», ни о принадлежности «великому и крѣпкому кавалеру» нѣтъ рѣчи. Мечъ въ предлагаемомъ спискѣ не называется кладенцомъ, какъ въ спискѣ Публичной библіотеки.

3) Въ ориг.: Kduž chceš zvědětí... Русская передача напоминаетъ чисто чешскій оборотъ — chceš-li, etc., который, вѣроятно, и былъ въ оригиналѣ, лежавшемъ предъ переводчикомъ.

4) Въ спискѣ «рече»; въ ориг. řekl.

5) Русская редакція толковѣе оригинала, гдѣ говорится, что «потворы (чудища) морскія однажды вошли въ комнатку», и Брунцвикъ, испытавъ на нихъ свойство меча, побросалъ отрубленные головы «въ море».

короля Олибриуса со всѣми его кавалерами, за столомъ сидѣли; и помысли во умѣ своемъ вынуть мечъ, и рече: любезный мой мечъ! сьмай со всѣхъ главы, тварямъ¹ морскимъ, королю и королевѣ, Африкѣ и всѣмъ сидящимъ и стоящимъ. И абіе полетѣша главы ихъ въ единъ часъ. И посѣче ихъ Брунцвикъ всѣхъ, только остался единъ со львомъ. И приготова себѣ корабль, и взявъ съ собою многое множество злата и серебра и каменія драгоцѣннаго, и отомкнувъ желѣзныя врата и сяде со львомъ въ корабль, и плыша по морю отъ того острова.

Егда же плывуще по морю, и прилучися ему мимо острова плиты, который нарицается Трипатрита², и услыша трубный гласъ и различное воспѣваніе и играніе; Брунцвикъ же хотя вѣдать что тамо и какое играніе; и поиде на островъ той. Егда же прииде, и тако узрѣвъ многое множество людей, наѣзжающее на коняхъ; овии скачуть, а другіе аки псы ворчатъ, а иныя кубы дѣлають, а другіе танцы водять. И тако у нихъ веселіе велико бываетъ³. Брунцвикъ тому подивися. И пришедъ къ нему единъ человекъ, и рече ему: Брунцвиче! како семо пришелъ еси къ намъ, то уже тебѣ танцовать съ нами и пребывать съ нами здѣ. И подаде ему руку, и попали его огнемъ вельми крѣпко; и съ того острова Брунцвика вонъ не отпускають. И видѣвъ то Брунцвикъ, вынявъ свой мечъ, рече: снима(й) сему человекъу главу и съ иныхъ многихъ. Абіе полетѣша главы ихъ; они же начаша глаголати: Брунцвиче! тѣмъ тебѣ отъ нашихъ рукъ не отбыти; здѣ тебѣ съ нами танцовать, и на нашихъ коняхъ ѣздить. Понеже бяху мнози мстятъ⁴, то Брунцвикъ разъярися⁵: милый мой мечъ! снимай главы до одинаго. И абіе мечъ всѣхъ

1) Въ ориг. rotvogám.

2) Въ спискѣ «Трипотрія»; въ ориг. Tripatrita.

3) Въ ориг.: jedni kolí, druzí tancují a všeliká veselé mají s sebou. Непонятное кубы могло бы соответствовать чешскому kunštů или kusů, чего нѣтъ въ оригиналѣ XV вѣка, или это старославянское коби, чары (auguria).

4) Въ оригиналѣ вмѣсто этого испорченнаго выраженія, сообщается, что «то были черти Асмодем», что vida to Bruncvík, ano jej putí, dobyv meše i vese. Вм. «мстятъ» могло быть «мѣтять» или «путять».

5) Вѣроятно, пропущено: «и рече»; въ ориг.: dobyv meše i vese.

ихъ посѣче. Брунцвикъ же сяде и со львомъ въ корабль и поѣхалъ оттоль прочь. И нача по морю ѣздить, и блудились по морю тридцать дней¹. И нача вельми тужить. И въ той великой печали бысть многое время. И узрѣвъ мѣсто² великое и высокое издаля, вельми свѣтящееся отъ злата и отъ каменія драгоцѣннаго, отъ нихъ же лучи исходяще на десять миль. Брунцвикъ же приплыль къ мѣсту³ тому, и выйдя на брегъ. Мѣсто⁴ же то нарицается Екбатанисъ⁵. Не бѣ бо тамо ни единого человѣка, но полатъ многое множество и домовъ, зѣло устроено. Брунцвикъ же нача дивитися и ходити изъ дома въ домъ; и виде брашна и питія многое множество напасено. Онъ же удивляяся о семъ и рече: какіе оныя люди живутъ или демоны морскіе? Самъ же поиде по острову тому, и не по мнозѣ времени начатъ ему гласъ находить трубный, потомъ и гораздо близко его, и узрѣ челоувѣка по челоувѣку, нача(ша) ему показыватися. И абіе явися великое воинство, посреди же ихъ король идяше именемъ Астриоль. Въ томъ же бѣ островѣ живутъ челоувѣцы Недорцы, страшны и помраченныя⁶. Брунцвикъ же нача дивитися имъ, а самъ себѣ рече: сіи челоувѣцы не добрыя начнутъ со мною битися. И начатъ между ими ходити; они же нача(ша) ему глаголатъ: Брунцвиче! дитя⁷ еси ты прекрасный, како семо пришелъ еси, повѣдай намъ. Онъ же рече: не вѣмъ я и самъ какіе вы есть люди и не боюся васъ! Како семо пришелъ, тако отсюда и отъиду. Они же ухватиша его и поведоша ко Астриолу⁸ королю своему. Астриоль⁹ же рече: хоцещи здѣ быти? аще не

1) Въ ориг.: patnácte nedělí.

2) Въ ориг. město, т.-е. городъ.

3) Ibid. — do města.

4) Ibid. — město.

5) Въ спискѣ «Иботанисъ»; въ ориг. Egbatanis.

6) Въ оригиналѣ въ данномъ мѣстѣ говорится только о народѣ: a to bieschu Astriolové, to jest nevidomci; послѣднее, т.-е. невидомцы (невидимки)—и могло у писца, вслѣдствіе неразборчивости титла, превратиться въ Недорцы. Да и вообще русскій текстъ послѣдняго предложенія испорченъ.

7) Въ ориг. nebožčíku!

8) Въ ориг.: před svého rána Astriola; въ спискѣ: «Остроилу».

9) Въ спискѣ: «Остроилъ»; но далѣе имя восстанавливается (Остриоль).

хощеши, то велю тя на огнена коня посадить. Брунцвикъ же рече: О злый и немилосердый Астриоле! Словъ твоихъ не боюся, но имѣю надежду на Бога моего: той бо избави¹ мя великихъ бѣдъ и печалей, и страха; такожде и отъ тебя избавить мя; а что ты, злый и прегордый, хощеши учинить надо мною, и то будетъ надъ тобою. И рече Астриоль со гнѣвомъ: о ты, Брунцвиче, мыслію и гордостію своею не отъидеши отъ нашихъ рукъ; мы бо укротимъ² гордость твою. И повелѣ король привести огненнаго коня, и повелѣ четверемъ челоуѣкамъ посадити Брунцвика на огненнаго коня. Брунцвикъ же нача ихъ отъ себя пихати³ и ударяти на землю. Они же не возмогоша на огненнаго коня посадить Брунцвика. Брунцвикъ же выскоча изъ людей, вынулъ мечъ свой и рече: сѣмай, мечъ мой, четверемъ челоуѣкамъ симъ головы ихъ. И скоро посѣче; левъ же растерза ихъ на двое. Видѣвъ же король Астриоль⁴, что уже убилъ Брунцвикъ четырехъ челоуѣкъ, и, кликнувъ войско свое, повелѣлъ Брунцвика ухватить. Войско же оступише Брунцвика съ великимъ шумомъ и крикомъ, великое множество — тысяща тысящъ, хотяху Брунцвика восхитить. Брунцвикъ же вынявъ мечъ и рече: милой мой мечъ! сними со всѣхъ главы ихъ: то по тридцати, и по сту и по тысящѣ главъ полетѣша во мгновеніи⁵ ока. Видѣвъ же то король Астриоль, что войска остается немного, и рече: пощади, Брунцвиче, ради Бога своего. Азъ хощу до твоей земли тебя проводить; но токмо престани и не сѣки больше моего войска. Брунцвикъ же рече: пощажу тя, ради Бога моего, а не для тебя; токмо учини ты, что обѣщаешися безъ всякаго замедленія, и до моей земли проводи ты самъ. Король же Астриоль съ клятвою обѣщаяся ему тако сотворити. И потомъ король Астриоль вскорѣ повелѣ корабль уготовить. Егда же внидоша въ корабль Брунцвикъ со львомъ — и король Астриоль

1) Въ текстѣ «избавить».

2) Въ ориг. попытаю (pokusím).

3) Въ спискѣ — пехати.

4) Въ текстѣ — Остриоль; то же и ниже.

5) Въ текстѣ «во многовеніи», какъ и всюду въ этомъ выраженіи.

съ людьми своими, и поидоша въ путь къ стольному граду Празѣ, и бысть у нихъ вѣтеръ полезень и таковъ, что въ три дня достигоша берега. Брунцвикъ же начаше смотрити знаменія своего, дабы познати страну свою. Король же Астриоль повелѣ изыти¹ изъ корабля людемъ своимъ и все имѣніе — злато и серебро, и каменіе самоцвѣтное, что Брунцвикъ взялъ изъ тѣхъ городовъ и острововъ у змія дракона и у короля Олибриуса. И тако Брунцвикъ со львомъ выйде изъ корабля, а король Астриоль, поднявъ парусы, побѣжа въ свое королевство. И какъ Брунцвикъ узрѣвъ стольный свой градъ Празу² и радостенъ бысть; и тако облечеса въ платье королевское³ и поиде во градъ со львомъ. Егда вниде во градъ съ великимъ звѣремъ львомъ, людіе же начаша дивитися и ужасатися вельми, глаголаша между собою — кто сей и какой челоувѣкъ съ таковымъ страшнымъ звѣремъ, что убо хоцетъ нашему граду сотворити?⁴

Въ то же время король Астрономусъ⁵, тестъ Брунцвиковъ, хоце(тъ) выдати за мужъ Брунцвикову жену королеву Неоменію за нѣкоего князя Ассирскаго⁶, именемъ Клеофа:⁷ бѣ бо минуло семь лѣтъ, какъ не видали Брунцвика, и не знали его и слуху не слыхали про него, гдѣ бѣ⁸ онъ, и видѣша сны во видѣніи бяху⁹ ему мертву быти. Услышавъ же Брунцвикъ, что Неоменію его отдаютъ за мужъ, возмутися душею и возжелѣвса сердцемъ, прииде на королевскій дворъ, и поиде въ палаты; левъ же остана на дворѣ у крыльца, ждаше¹⁰ Брунцвика.

1) Можетъ быть «изыти», такъ какъ говорится далѣе о богатствѣ, а глаголъ пропущенъ. Въ оригиналѣ этого нѣтъ.

2) Т.-с. «Прагу». Формы «въ Празѣ» и явившееся отсюду «въ Празу» указываютъ на непосредственный чешскій оригиналъ русскаго перевода. Въ первомъ случаѣ, въ оригиналѣ читаемъ: *když se uzře Brunvík před Prahú...*

3) Въ ориг.: *vzav na se šaty rústevnície.*

4) Ничего этого нѣтъ въ оригиналѣ.

5) Въ ориг.: *král Astronomus*; въ спискѣ «Остромоногъ», въ этомъ случаѣ, и въ слѣдующихъ.

6) *Ibid.*: *kniežé Assyrské*; въ спискѣ — «Сирскаго».

7) *Ibid.*: *jmenem Kleofaš.*

8) Въ спискѣ «бо».

9) «Бяху» излишне, да и о сновидѣніи въ оригиналѣ ничего нѣтъ.

10) *Ibid.* — «ждаху».

Егда же Брунцвикъ вниде въ палату и узрѣвъ Неоменію свою за столомъ съ княземъ Клеофомъ, по чину королевскому сѣдящу, Брунцвикъ же возмутися душею и сердцемъ, яко и образъ его въ жалость обратися¹. Се бо любо ему, что Неоменію узрѣлъ, и едва удержася — не сѣче князя Клеофа. И нача ждати время, како объявити о себѣ. Знаменія приспѣ время, егда хотяху Неоменію изъ-за стола вести къ церкви, и принесоша краснаго питія, и нача подносити по кубцу златому всѣмъ...² въ палатѣ, а другимъ изъ серебряныхъ стопъ, и видѣвъ же Брунцвика князь Клеофъ, что единъ сидитъ и поднесоше кубокъ³ златый съ питіемъ.

Брунцвикъ же снявъ перстень съ руки своей Неоменіинъ, что съ нимъ былъ, и положи въ тотъ кубокъ, а самъ поиде изъ полаты скоро, такожде изъ града, написалъ же на вратахъ такое письмо: «который уже не бывалъ семь лѣтъ и нынѣ пришелъ на королевскій дворъ и въ палатахъ былъ».

Людіе же узриша таковое писаніе на вратахъ, нача происходить молва велія во градѣ томъ: ови глаголють, яко король нашъ Брунцвикъ пріиде, другіе глаголють инако; и бысть между ими великая распря и молва.

И какъ королева Неоменія увидѣла въ кубкѣ перстень свой, позна его — еже бы въ полночь у нея Брунцвикъ для знаменія былъ. И пришедъ, повѣда отцу своему королю Астрономусу. И тако поиде слава по всему граду велія о Брунцвикѣ. Астрономусъ же король не даде дщери своей за князя Клеофа. — Потомъ князь Клеофъ смутися сердцемъ и умомъ, что за него Неоменію королеву не дають и повелѣ осѣдлатъ тридцать коней своихъ добрыхъ, и взялъ съ собою тридцать юношей добрыхъ и храбрыхъ и вооруженыхъ, вопрося — коимъ путемъ поиде Брунцвикъ изъ града, и погнася за Брунцвикомъ, и нагна его на пути, хотя Брунцвика убити мечемъ. Видѣвъ же Брунцвикъ сіе, что

1) Выраженіе, напоминающее формою другую редакцію оригинала.

2) Одно слово не прочтено.

3) Въ текстѣ «кубикъ.»

хощеть Клеофъ убити мечемъ, и вынявъ мечъ свой и рече: милой мой мечъ! сними съ сего князя главу и всѣмъ слугамъ его. И тако посѣче всѣмъ главы, а левъ разтерза на двое; а кони ихъ побѣжаша во градъ. — Брунцвикъ же поиде со львомъ въ другой градъ свой. Тамо бо его позна(ша) и пріяша съ великою честію и радостію, яко истинный природный король ихъ. Брунцвикъ же посла по бояръ своихъ и по вельможъ; и пріидоша съ великою радостію къ тому граду къ королю своему Брунцвику и взяша его съ честію въ стольный градъ Празу.

Егда же пріѣхаша близъ града того, тогда король Астрономусъ, тестъ Брунцвиковъ, съ Неоменію, женою его, Брунцвика, выиде на встрѣтеніе; и вси господа отъ мала и до велика воздаша ему честь велию.

И какъ увиде Брунцвикъ Неоменію, отъ жалости и радости не могъ утерпѣти, плакаше и цѣловаше¹ любезно. И тако сѣдоша на златую колесницу, и левъ съ ними, и поѣхаша во градъ Празу съ великою честію. И бысть въ то время радость велія по всей землѣ ихъ, что король Брунцвикъ пріѣхалъ во свое отечество и выслужилъ себѣ льва. И сотворилъ Брунцвикъ пиръ великъ для бояръ и вельможъ и про всѣхъ отъ мала и до велика.

И потомъ повелѣ Брунцвикъ все свое имѣніе отъ морскаго пристанища привести, то есть, злато и серебро и каменіе драгое и протчая, и нача всѣхъ дарить: тестя своего и жену свою Неоменію, и нищюю братію; и нача о пути своемъ имъ сказывати, како же къ нему левъ присталъ и въ бѣдахъ помогалъ, и какія ему бѣды и напасти были во отоцѣхъ морскихъ отъ гадовъ морскихъ. И повѣда имъ вся по ряду; они же дивишася тому.

Услышавъ же то королева Неоменія вельми веселящася о пришествіи Брунцвика, и повелѣ по всѣмъ градамъ и уѣздамъ державы своей проповѣдать, и написала, еже о немъ бывшая, побѣды и о всякихъ вещахъ королевскихъ, въ пути бывшихъ.

Потомъ король Брунцвикъ повелѣ съ единыя страны див-

1) Въ смискѣ «плакаша и цѣловаша».

наго и лютаго звѣря льва на черной землѣ¹, а съ другую страну повелѣ написать орла на красной землѣ. И тако Брунцвикъ во своемъ королевствѣ съ Неоменіею въ великой чести и славѣ, и радости, и въ добрѣ пребываша тридцать три лѣта²; и роди сына едиnorodнаго, и нарече имя ему — Владиславъ³. И поживе въ любви, къ Богу отъиде, и скончася во своемъ королевствѣ и погребенъ честно. Мечъ же тотъ послѣ смерти Брунцвиковой не имѣя никакой силы, и бысть — яко и прочіе мечи⁴; а левъ о смерти Брунцвиковой нача вельми тосковати и тужити; и съ той великой жалости нача рыдати и плакати. Изъ очей его яко ручьи слезъ потекоша. И возжалѣвся левъ по Брунцвикѣ вельми; но и всѣмъ предстоящимъ слезно было на льва глядѣть. И поиде левъ на гробъ⁵ Брунцвиковъ, въ жалости вельми воскрича и умре, и тако скончася исторія сія⁶.

1) Въ изд. ориг.: *z jedné strany lva bíého v červeném poli*; въ рукописи же чешской XV вѣка ближе къ русскому переводу: *lva žerého v černém poli*.

2) Въ ориг.: *čtyřiceti a pět let živ jsa*.

3) Ibid. — *Ladislav*.

4) Въ оригиналѣ о мечѣ не упоминается.

5) «Гробъ» указываетъ на другую редакцію, гдѣ говорилось о могилѣ (hrob) Брунцвика, чего въ цитируемомъ чешскомъ текстѣ нѣтъ.

6) Сказаніе о Брунцвикѣ по рукописи Публичной библіотеки оканчивается слѣдующимъ образомъ: «Брунцвикъ же повелѣ во всѣхъ странахъ проповѣдать побѣды своя, — о всякихъ вещахъ королевскихъ льва писать со единыя страны, а съ другія страны писать орла, на красной земли. И тако Брунцвикъ поживе во своемъ королевскомъ величествѣ тридцать пять лѣтъ, и приживѣ съ Неоменіею единого сына и нарече имя ему Владиславъ, и въ доброй старости скончася и погребенъ бысть честно. Мечъ же тотъ по смерти Брунцвиковѣ не имѣя силы и бысть яко протчій; левъ же по смерти Брунцвиковѣ вельми нача тужити и тосковати по Брунцвикѣ и съ тоя. . . великія тоски и жалости нача рыти землю, надъ очію его яко струи слезы текуше, и приде левъ на гробъ Брунцвику и въ жалости вельми воскричалъ, и паде на землю мертвъ, и тако скончася Брунцвикъ и левъ...» (Пыпинъ: Очеркъ лит. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 225—226).

БРУНЦВИКЪ

Výbor z literatury české. Díl. II, 55—74. По рукописи XV вѣка. — Stará pověst o Stogmjrowi a Brunswjkwí knížatech českých. W Praze 1827 (Изд. Ганки). — Dvě kronuky. První: o Satalfrýdowi knížeti pánu českém. Druhá: o geho, též knížeti a pánu Brunswikowi, synu českém. Wytisštěna roku tohoto (sic). Народное издание. — Новѣйшее народное издание, безъ указанія года: Štylfrid, kníže a pán český a syn jeho Brunswík, též kníže a pán český. Vzdělal V. K. Kramérius (15 издание).

По смерти Штильфрида началъ управлять (владѣть) всѣмъ сынъ его, Брунцвикъ; и править началъ съ великимъ усердіемъ, держась совѣтовъ старшихъ, по приказу и наставленію своего отца; умѣлъ чтить каждого по его званію, свѣтскихъ (людей) и духовныхъ, сиротъ и вдовъ, дѣвицъ и женщинъ (госпожъ); такъ какъ онъ былъ столь честный и высокоблагородный князь, что по всѣмъ другимъ землямъ о немъ шла добрая молва. И когда минуло два года и три мѣсяца по смерти отца, Брунцвикъ, вспомянувъ его благодѣянія — что сдѣлалъ онъ для блага чешской земли и пріобрѣлъ при своей жизни — сказалъ своей супругѣ: Моя Неоменія! Знай, что я намѣренъ ѣхать и искать чести языку (народу) своему; такъ какъ неприлично хорошему человеку умереть, не оставивъ по себѣ чего нибудь достопамятнаго.

А потому и отецъ мой совѣтовалъ мнѣ, и предки наши, чтобы мы, гдѣ только возможно, добывали доброе имя (славу). Отецъ мой при жизни добылъ орла (въ гербѣ), а я, съ божіею помощію, льва намѣреваюсь добыть. Даю въ свидѣтельство перстень, а твой, съ твоего перста, беру, для того чтобы ты никому не вѣрила, пока сама не увидишь этотъ перстень; разсмотри же (замѣть) его хорошенько: если же въ теченіи семи лѣтъ его не увидишь, знай, что меня нѣтъ въ живыхъ. А что въ мысли своей я порѣшилъ, то и сдѣлаю, хоть бы пришлось жизнью поплатиться. Неоменія начала искренно плакать, говоря: Горе мнѣ бѣдняжкѣ! на кого покидаешь меня, мой милѣйшій супругъ? Отецъ съ матерью очень далеко (живутъ) отъ меня. Кто же утѣшитъ меня, несчастную? Брунцвикъ отвѣчалъ: милая королева! не оставляю тебя такъ легко, какъ ты думаешь; я хочу послать за твоимъ отцомъ, пусть онъ, вмѣсто меня, управляетъ моими дѣлами; и пусть будетъ твоимъ помощникомъ и совѣтникомъ. Никому, кромѣ отца, не поручу тебя. И знай навѣрное, что если тебѣ жаль, что я уѣзжаю, такъ мнѣ еще болѣе жаль; но иначе невозможно. Королева Неоменія отвѣчала: если бы тебѣ было жаль, то ты издалека, по всей справедливости, долженъ бы былъ пріѣхать ко мнѣ для утѣшенія. Я же, къ сожалѣнію, вижу, что ты хочешь меня забыть! Горе мнѣ, что дожидая до этого! И обнявъ его съ великимъ плачемъ, стала жалѣть его и просить, чтобы онъ одумался и остался съ ней. Брунцвикъ, громко воскликнувъ, сказалъ: не плачь, милѣйшая моя супруга (госпожа): я не измѣню своего обѣта, потому что княжескія слова назадъ не берутся, да, Богъ дастъ, и не возьмутся. Затѣмъ Брунцвикъ пригласилъ ея отца, чтобы онъ пріѣхалъ, и приказалъ осѣдлатъ тридцать коней и отправился въ различныя земли добывать себѣ доброе имя (славу) — и такъ далеко, что, по милости водъ, не могъ ѣхать дальше. А когда къ морю пріѣхали, онъ, ѣздя по берегу, думалъ, что тутъ дѣлать? И добывъ себѣ корабль, отправился со своими челядинцами. И когда уже четверть года по морю проплавалъ, тогда однажды ночью на морѣ поднялся великій вѣтръ; разыграло море, вздымались волны и

метали корабль такъ, что онъ иногда на три локтя погружался въ воду. Брунцвикъ былъ въ большой опасности, такъ что о немъ пишутъ, что когда онъ среди сего страшнаго волненія былъ, страшный вѣтръ съ морскимъ шумомъ и гуломъ снова отбросилъ корабль далеко, такъ что онъ приближался ужь къ агатовой горѣ¹.

Какъ только моряки увидали это, подняли плачь и шумъ и крикъ великій, и говорили: теперь насъ ждетъ вѣрная бѣда! Такъ, къ прискорбію, и случилось. Когда они были за пятьдесятъ миль отъ той горы, ихъ поразило весьма сильное сіяніе и благоуханіе отъ горы якштыновой (агатовой), такъ что въ одну минуту она притянула ихъ всѣхъ къ себѣ. А гора та имѣетъ такую силу, что на пятьдесятъ миль во всѣ стороны въ одно мгновеніе притягиваетъ все къ себѣ: будутъ ли то люди, птицы, рыбы, деревья и твари морскія. И нельзя уже не остаться на вѣки у этого агата (якштына). Подъ горой этой ничего нѣтъ, кромѣ острова, весьма красиваго, по имени Зелаторъ, какъ бы сказать: радостный или любезный. Увидавъ себя на немъ съ своими челядинцами, Брунцвикъ началъ весьма страшиться. Тутъ на этомъ островѣ онъ увидѣлъ много сгнившихъ кораблей и большія громады человѣческихъ и другихъ костей. Увидѣвъ это, Брунцвикъ сталъ и грустить и радоваться, говоря: кто сидитъ дома, въ своемъ покоѣ, тотъ избѣгаетъ непріятныхъ приключеній; и такимъ образомъ никто не можетъ ни о чемъ говорить, кромѣ испытавшаго приключенія, который впоследствии другимъ о нихъ можетъ рассказать². Пока у нихъ было что ѣсть, до тѣхъ поръ они были веселы, а какъ только явился недостатокъ въ пищѣ, они стали сильно грустить. Тогда они

1) Въ народномъ изданіи текстъ, неясный въ рук. XV вѣка, измѣненъ и ясенъ: *tak se o něm píše, že když v tom velikém bouření, hluku, a zvuku mořským velkým větrem hnany byli daleko s korábem, až se k hoře Aksstegnowé přibližovali, magynaři . . . etc.* Тоже въ позднѣйшемъ изданіи, по тексту Крамеріуса.

2) Въ угро-словенской сказкѣ, *Lomidrevo (Valibuk)* встрѣчаемъ повтореніе, очевидно этой же поговорки: *Počúvajte že otec mój, aj mat' moja! Viete to dobre, že kdo na peci sedá, o ničom rozprávät nezná!* Смотри: *Škultety a Dobšinský: Slovenské povesti*. Кн. I, стр. 89.

принялись за различныя ухищренія, чтобы отплыть отъ горы; но эти ухищренія мало пользы имъ приносили: едва отплывали они на полмили, какъ тотчасъ въ одно мгновеніе снова видѣли себя у острова. Тогда, не зная что дѣлать, а пищи у нихъ уже не было, начали они поѣдать собственныхъ коней и все еще чаяли, что Богъ смилуется. Когда же привелось Брунцвику однажды, во время ѣзды и прогулки на этой горѣ, увидѣть дѣвичью голову и руки, а въ остальномъ рыбу, а называлась она Европой, заговорилъ онъ съ ней, сказавъ: зло ты или добро? отвѣчай мнѣ; а она ему въ отвѣтъ: Брунцвикъ! я такова, какой меня видишь — ни зло, ни добро. Брунцвикъ сказалъ: получу ли отъ тебя какое-либо утѣшеніе? Она отвѣчала: иногда можешь, а иногда не можешь. Услыхавъ это, Брунцвикъ привязался къ ней и оставался съ ней, и въ этомъ находилъ утѣху. А потомъ, когда коней уже не стало, они начали ѣсть другъ друга, все въ ожиданіи милосердія Божія. Приближался ужъ третій годъ, Брунцвикъ оставался уже одинъ съ однимъ старымъ рыцаремъ, по имени Баладомъ. Онъ и сказалъ Брунцвику: господинъ мой! объ этомъ твоёмъ приключеніи не знаетъ ни твоя милая жена, ни твои дворяне — что намъ приключилось. Услыхавъ это, Брунцвикъ весьма опечалился. Тогда Баладъ сказалъ ему: не печалься, милый господинъ мой! Если ты меня слушаешь, то я дамъ тебѣ такой совѣтъ, что ты выберешься отсюда; не знаю только, ближе ли или дальше будешь. Я, старикъ, (о себѣ) не забочусь; мнѣ придется ужъ здѣсь остаться. Если же на твою долю выпадетъ удача, то вспомни мою вѣрную службу. Брунцвикъ отвѣчаетъ: вѣрный рыцарь мой! какъ же могу я выбраться отсюда? Вѣдь я слыхалъ, что кто дойдетъ до якштыновой горы, тому ужъ вѣчно оставаться тамъ. Баладъ говоритъ: есть птица, называемая ногъ; она имѣетъ обыкновеніе разъ въ годъ прилетать сюда, и какая здѣсь ни остается падалъ, всю въ одно мгновеніе схватить и летить прочь, и птица знаетъ то время, когда должно прилетать. Она унесетъ тебя, если желаешь; а что потомъ будетъ, ужъ я не вѣдаю. Вѣрный Баладъ! отвѣчаетъ Брунцвикъ: конечно, твой совѣтъ хорошъ! только бы мнѣ вы-

браться изъ этого заключенія, а ужъ я и жизни не пожалѣю. А быть можетъ, мнѣ еще и удастся возвратиться когда-нибудь въ свой край. Тогда Баладъ, взявъ конскую шкуру и вымазавъ ее сильно кровью, посадилъ въ нее Брунцвика, давъ ему мечъ, крѣпко зашилъ его ремнемъ, и положилъ его на ту гору. На девятый день ногъ прилетѣлъ въ свое время, мгновенно схватилъ Брунцвика и залетѣлъ съ нимъ на пустыя горы такъ далеко, что пѣшій въ три года едва только могъ туда дойти, отъ той горы (якштыновой); а ногъ на третій день принесъ его, и бросилъ на пищу своимъ дѣтямъ. Оставивъ его тамъ, ногъ полетѣлъ на другую приманку. Тутъ Брунцвикъ очутился, конечно, въ большой опасности, когда птицы начали между собою теревить эту шкуру, гнѣвно крича голосами своими, такъ какъ были голодны. И когда онѣ стали теревить ту шкуру, въ которой онъ былъ, онъ, не зная какъ помочь себѣ иначе, схвативъ мечъ и выскочивъ, срубилъ имъ головы. Брунцвикъ, какъ и нужно было, держалъ тутъ себя мужественно. И въ иныхъ книжкахъ разсказывается объ этихъ птицахъ, что каждая изъ нихъ такъ сильна, что каждымъ когтемъ можетъ коня поднять, и такъ велика, что съ одной горы на другую шагаетъ, и на каждой ногѣ имѣетъ по три когтя. Птицъ этихъ не много, потому что онѣ другъ дружку убиваютъ и съѣдаютъ. И когда Брунцвикъ съ Божіею помощью ихъ перебилъ, то удивился, и поднявшись съ того мѣста, пустился въ великомъ страхѣ бѣжать по тѣмъ пустымъ горамъ, такъ какъ ни птицы, ни звѣря тамъ не было. Брунцвикъ девять дней и девять ночей оттуда бѣжалъ, и все попадались ему болѣе высокія и болѣе пустыя горы; наконецъ удалось ему спуститься въ одинъ глубокій долъ. Тутъ онъ услышалъ гласъ и шумъ великій, остановился послушать, а шумъ все сильнѣе. Подойдя поближе, онъ увидалъ, что левъ и драконъ (саѣ) престоко дерутся. Тогда Брунцвикъ остановился и началъ размышлять, говоря: ахъ, Боже милостивый! кому же помогать? Ради этого звѣря, ради льва я покинулъ свою землю; и ужасно боюсь, и еще не знаю, что со мной станется. И такъ не иному чему быть, какъ льву помочь. Пусть будетъ, что будетъ.

Вынувъ свой мечъ, онъ подбѣжалъ къ дракону и началъ съ нимъ биться, вступаясь за льва, потому что лъву приходилось уже тяжело. А тотъ драконъ былъ о девяти головахъ и изъ каждой (головы) огонь вылеталъ, какъ изъ горна. Снова Брунцвикъ былъ въ большой опасности, такъ какъ драконъ сильно его палилъ; а съ другой стороны онъ также боялся и льва, и такъ вдвойнѣ ему грозила опасность. Видя великую вѣрность Брунцвикову, левъ припалъ на землю и отдохнулъ, оттого что драконъ сильно его забилъ. Брунцвикъ же все сражался съ дракономъ и отсѣкъ ему уже шесть головъ. Только тогда драконъ разсвирѣпѣлъ и Брунцвика сталъ многократно пламенемъ прибывать къ землѣ, и сильно утомилъ Брунцвика, который едва уже могъ защищаться. Увидавъ это, левъ разбѣжался и съ великимъ гнѣвомъ разорвалъ дракона на двѣ части и разметалъ на мелкіе куски. Видя въ левѣ такую великую силу, Брунцвикъ сталъ очень побаиваться его, чтобы (левъ) и съ нимъ того же не сдѣлалъ. И пошелъ (Брунцвикъ) прочь, желая избавиться отъ льва. Но левъ ни за что не хотѣлъ оставаться, и куда бы Брунцвикъ ни повернулъ, всюду видѣлъ льва за собою; и такъ онъ все шелъ, день и ночь, въ теченіи нѣсколькихъ дней, чтобъ какънибудь отдѣлаться отъ льва. Набравъ себѣ въ пазуху дубовыхъ и буковыхъ желудей, такъ какъ никакой иной пищи у него не было, влѣзъ онъ на очень высокое дерево, въ чаши, что если левъ между тѣмъ куданибудь уйдетъ, онъ слѣзетъ внизъ и уйдетъ. Сидѣлъ онъ на томъ высокомъ деревѣ три дни и три ночи, а левъ тоже все сидѣлъ подъ тѣмъ же деревомъ, глядя вверхъ. Льву было очень прискорбно, что Брунцвикъ ему не вѣритъ, и онъ въ своей печали такъ сильно заревѣлъ, что земля подъ нимъ потряслась, а Брунцвикъ отъ великаго страха свалился внизъ и очень ушибся. Увидавъ это, левъ быстро побѣжалъ и нарылъ корней, принесъ ихъ въ пасти и обложилъ ими Брунцвика, такъ что онъ въ скоромъ времени исцѣлился. Такимъ образомъ Брунцвика снова постигла неудача, такъ какъ онъ свалился съ высокаго дерева, но левъ помогъ ему, за что онъ и полюбилъ льва, а все еще вполнѣ ему не вѣрилъ. Послѣ такого

пораненія Брунцвикъ сидѣлъ въ изнеможеніи отъ голода, не имѣя пищи; левъ же, увидавъ, что онъ голоденъ, побѣжалъ и изловилъ серну, принесъ ее, растерзалъ на двое, положилъ ее себѣ въ пасть, началъ ее тамъ¹ печь, какъ бы въ самой жаркой печи, и вынувъ ее оттуда, положилъ предъ Брунцвикомъ. Видя великую вѣрность льва, Брунцвикъ полюбилъ его еще больше, а левъ почтительно прилегъ, положилъ свою голову къ нему на грудь. Тогда Брунцвикъ началъ его гладить и укрощать; а потомъ, подкрѣпившись, Брунцвикъ всталъ и пошелъ по великимъ лѣсамъ, съ горы на гору, и снова такъ блуждалъ цѣлыхъ три года по тѣмъ высокимъ и пустымъ горамъ, а левъ всюду за нимъ, промышляя для него пищу. Когда же ему довелось взойти на одну превысокую гору, онъ влѣзъ на дерево—посмотрѣть, не увидитъ ли гдѣ-нибудь замокъ или городъ, и посмотрѣвъ на всѣ стороны, увидалъ замокъ очень далеко въ морѣ; спустившись внизъ, онъ сталъ на колѣна и молилъ Господа Бога, чтобы Онъ помогъ ему выбраться изъ этого блужданія; потому что онъ, ничего не зная, идетъ туда, куда его ведутъ глаза и разумъ. И намѣтивъ себѣ путь къ тому замку, пошелъ туда. Пройдя пятнадцать дней, онъ вышелъ изъ тѣхъ пустыхъ горъ къ пустому морю, и стоя надъ моремъ, сталъ размышлять, какъ бы ему попасть въ тотъ замокъ. Не придумавъ ничего иного, онъ сталъ мечемъ рубить колья и вѣтви, а левъ собиралъ ихъ въ кучу. Брунцвикъ связалъ себѣ широкій плотъ, спустилъ его на воду и сѣлъ на него. Левъ же въ это время, добывая пищу, замѣшкался немного; а Брунцвикъ, желая отдѣлаться отъ льва, оттолкнулся отъ берега. Въ то время левъ, неся въ пасти дикаго вепря, разсвирѣпѣлъ и бросился къ Брунцвику; но съ вепремъ въ пасти въ состояніи былъ вскочить (на плотъ) только передними ногами; и такъ, держась за плотъ только передними ногами, онъ плылъ нѣсколько времени. Увидавъ тутъ, что левъ не хочетъ отстать, Брунцвикъ сталъ помогать ему съ большими усиліями, пока не помогъ ему (взобраться) на плотъ.

1) Въ народныхъ изданіяхъ прибавлено: *svým hořce (horkým) dýcháním.*

Тутъ Брунцвику снова приключилась большая неудача: онъ едва удержался на плоту и чуть не упалъ въ море; и хотя и удержался, а всетаки сидѣлъ въ водѣ то по горло, то по поясъ. И такъ въ той водѣ онъ плылъ осьмнадцать дней. Левъ сидѣлъ на одномъ краю плота, а Брунцвикъ на другомъ, и такимъ образомъ одинъ другому не давали утонуть. Море играло ими девять дней и девять ночей, а другіе девять дней и ночей они видѣли себя въ великой темнотѣ между горъ. Подплывая къ одной горѣ, Брунцвикъ издалека увидалъ, что та гора сіяла словно пламенемъ. Вынувъ мечъ и подплывъ къ горѣ, онъ сильно ударилъ по ней и отшибъ кусокъ съ человѣческую голову. И та гора Карбункулусъ была очень красива, и свѣтъ отъ нея свѣтилъ имъ (до той поры), пока они не выбрались изъ тѣхъ горъ и темныхъ мѣстъ. Когда же онъ приблизился къ тому замку, удивленъ былъ тѣмъ, что вокругъ замка были различныя морскія чудовища (potvory). Замокъ былъ очень красивъ, но въ немъ были одни морскія чудовища. Брунцвикъ сказалъ самъ себѣ: будь что будетъ (плохо ли, хорошо ли), но я долженъ попасть въ этотъ замокъ, хотя бы и невѣсть что вынести пришлось. Когда же онъ былъ уже въ замкѣ, то снова напалъ на него великій страхъ; онъ увидалъ, что у Олибриуса, короля того города, глаза были спереди и сзади, на каждой ногѣ по осьмнадцать пальцевъ и на рукахъ по столько же. Около него Брунцвикъ увидалъ множество различныхъ людей: одни были объ одномъ глазѣ, а другіе объ одной ногѣ, многіе съ рогами надъ глазами, иные о двухъ головахъ, иные съ песьими головами, иные на половину сѣдые, и на половину бѣлые, иные горбатые, какъ верблюды, иные же рыжіе, какъ лисы.

Тогда Брунцвика началъ страхъ забирать, потому что отъ этихъ людей шелъ крикъ и шумъ великій: одни выли, другіе ворчали, третьи скучали (по собачьи), служа своему королю. И началъ Брунцвикъ отступать, желая убраться изъ того замка. Замѣтивъ это, Олибриусъ сказалъ ему: Брунцвикъ! я хорошо знаю твое имя, хотя въ нашихъ краяхъ и не случилось видѣть такого человѣка; а по этому (спрошу) — по собственной волѣ

ты сюда пришелъ или по неволѣ? Брунцвикъ отвѣчалъ: любезный король! конечно, я по собственной волѣ уѣхалъ изъ своей страны, а этотъ несчастный случай, къ моему прискорбію, приключился мнѣ по неволѣ. И сказалъ ему король Олибриусъ: Брунцвикъ! вѣрю ¹, что ты по неволѣ долженъ оставаться съ нами; а впрочемъ, если хочешь взять на себя одно дѣло, — и выручить мою дочь Африку, которая уже три года увезена дракономъ Василискомъ ² въ его замокъ, именуемый Арабіа, на пустое море, въ трехъ стахъ миляхъ отсюда, то знай, что я помогу тебѣ добраться до твоей земли, и пропущу тебя чрезъ желѣзные ворота, — которыя были во власти короля Олибриуса, и Брунцвику при уходѣ никакъ нельзя было миновать эти ворота. Брунцвикъ отвѣчалъ: король! прежде всего меня удивляетъ то, что, не выдавъ меня (ранѣе), ты называешь меня по имени; а говоря о своей дочери, ставишь въ затруднительное положеніе. А впрочемъ, если исполнишь то, что мнѣ обещаешь, то я попытаюсь, призвавъ Бога къ себѣ на помощь. Король надавалъ ему обѣщаній и оказалъ большія почести. Брунцвикъ приказалъ на третій день приготовить корабликъ, и нагрузивъ его припасами, такъ чтобы на пять мѣсяцевъ хватило, сѣлъ на него вмѣстѣ со львомъ, и отправился.

Прибывъ къ тому весьма красивому замку (Агабіа), Брунцвикъ привязалъ корабль, и пошелъ къ замку, а левъ за нимъ. И когда они были у первыхъ воротъ, Брунцвикъ увидалъ пару ужасныхъ звѣрей, лежавшихъ тамъ, на серебряныхъ цѣпяхъ, которые стерегли замокъ. Эти звѣри, называемые Монетрусь, были страшныя чудовища: у обоихъ животныхъ головы были человѣческія, тѣла конскія, а хвосты свиные; и весьма сильны были эти звѣри. Увидавъ Брунцвика со львомъ, они такъ гнѣвно задрожали, что весь замокъ запатался. Брунцвикъ, увидавъ это и вынувъ мечъ, мужественно бился съ ними за тѣ ворота. Левъ

1) Въ народныхъ изданіяхъ: *wѣzjŃ to, że я nami muszŃ w pauczj pŃebywaci...* ближе къ русскому переводу.

2) *Od draka BaziliŃka.*

видя, что его господинъ слабѣетъ, съ разбѣга въ великомъ гнѣвѣ растерзалъ сначала одного звѣря пополамъ, а потомъ и другого. И такъ, овладѣвъ первыми воротами, пошли они далѣе. А когда пришли къ другимъ воротамъ, то увидѣли пару сильнѣйшихъ (звѣрей), называвшихся Глато; у каждаго (звѣря) было по два рога, длиною въ два локтя, острыхъ, какъ бритвы. Этотъ звѣрь и поднесъ, если съ кѣмъ схватится, однимъ рогомъ бьетъ, а другой на спину склоняетъ; а когда одинъ рогъ утомится, его склонить (на спину) и другимъ защищается. Эти звѣри ничего не боятся, кромѣ краснаго цвѣта, и такъ же смѣлы въ водѣ, какъ и на землѣ. Съ ними тоже Брунцвику не мало было труда; и вынувъ мечъ, онъ началъ съ ними продолжительную упорную битву, и такъ сильно, что замокъ дрожалъ. Тутъ, конечно, былъ полезенъ Брунцвику левъ, съ яростью растерзавшій звѣрей; такимъ образомъ они овладѣли вторыми воротами и пошли къ третьимъ. Тутъ увидали они ужасныхъ и огромныхъ животныхъ, называющихся Сидфорами. У этихъ звѣрей шерсть была на подобіе медвѣжьей¹, а рога, словно у чертей, а зубы, какъ у коней, черные; пасти у нихъ были такія огромныя, что разомъ человѣка поглощали. Тѣхъ звѣрей всѣ остальные животныя, земныя и морскія, боялись, и съ ними-то Брунцвику предстояло биться. Но предавшись волѣ Божіей, онъ такъ жарко бился съ ними, что шумъ у морскихъ заливовъ былъ слышенъ; но не будь прежде всего Бога, а потомъ льва, Брунцвику не сдобровать бы! Левъ, собравъ всѣ свои силы, началъ съ звѣрями страшно биться и поодиначкѣ ихъ рвать, и съ Божьей помощью левъ растерзалъ ихъ. И такъ овладѣвъ всѣми воротами, пошли они къ самому замку. Много великолѣпія увидали они тамъ, но ни одного человѣка тамъ не было. А когда пришли къ тѣмъ палатамъ, Брунцвикъ увидалъ весьма красивую дѣвушку; голова у ней и руки и (сама) по поясъ имѣла подобіе человѣческое, а вмѣсто ногъ у ней были два змѣиные хвоста. Увидавъ Брунц-

1) Въ народныхъ изданіяхъ, вмѣсто *srstí biechu jako nedvěd*, читаемъ: *srstj bjle gak nedwéd...*

вика, она сказала (ему): милый юноша! диво изъ дивъ совершилось; скажи мнѣ, какъ ты попалъ сюда, Брунцвикъ? (Онъ отвѣчаетъ): Африка, милая дѣвушка! твой отецъ Олибриусъ послалъ меня сюда, и обѣщалъ мнѣ пропустить (меня) чрезъ желѣзныя ворота, если смогу тебя выручить. А дѣвица Африка говоритъ: Ахъ, милый Брунцвикъ! не легкое это дѣло; если бы у тебя была сила тысячи человѣкъ, и тогда я не совѣтовала бы тебѣ вступать въ борьбу съ этими различными земными и морскими чудовищами¹. А потому, милый Брунцвикъ, скажи мнѣ не спятъ ли тѣ звѣри у первыхъ трюхъ воротъ, если ты могъ такъ легко сюда добраться? Брунцвикъ отвѣчалъ: милая дѣвица, Африка! конечно спятъ и будутъ спать. А дѣвица говоритъ: если спятъ, милый Брунцвикъ, такъ выбирайся изъ замка, а отцу моему скажи, что я здравствую и благодарю его. А Брунцвикъ отвѣчаетъ: милая дѣвица, Африка! Живъ ли я буду, умру ли, пусть будетъ воля Божія! плохо ли, хорошо ли (придется), а безъ тебя изъ этого замка я не поѣду². Услыхавъ это, дѣвица, глядя на него, весьма полюбила его; и, посадивъ его рядомъ съ собой, со слезами обнявши его, сказала: милый Брунцвикъ! если не хочешь безъ меня уходить отсюда, вотъ тебѣ мой перстень, и прошу тебя, не забудь: если тебѣ приключится какая опасность и начнутъ наступать на тебя, не медля надѣнь этотъ перстень на правый большой палецъ. Этотъ перстень имѣетъ силу двадцати четырехъ человѣкъ; а все-таки пользы не будетъ; если бы у тебя было по сту такихъ перстней на каждомъ пальцѣ, и тутъ ничего нельзя подѣлать противъ этой силы. Вѣдь отецъ мой для этого нѣсколько тысячъ потратилъ, желая меня выручить, а все ничего не могъ сдѣлать: какъ же ты, одинъ одинешенекъ, хочешь меня выручить? О, злой, лукавый отецъ! лучше бы ты убилъ меня въ своемъ замкѣ, чѣмъ снова возобновлять мое горе! Вотъ

1) Последнее выраженіе такъ передано по смыслу позднѣйшихъ изданій хроникъ прошлаго столѣтія: *O milý Bruncvíku! nesnadná gest Wěc ta, bys měl Sylu sto tisíc Mužů, gesstě bych neradila, abys se měl s těmi hroznými Potwogami bití.*

2) Въ переводѣ удержана интерпункція по изданію Ганки (1827 года).

посмотри, мой милый Брунцвикъ, на эти мои золотые пояса: эти два змѣиные хвоста обвили меня съ ногъ до пояса; и каждый день отъ полудня до вечера мой господинъ, Василискъ¹, тѣми змѣями обвиваетъ меня, а всю ночь до полудня, безъ этихъ змѣй я бываю настоящей и красивой дѣвушкой. Таковъ у него обычай: черезъ три часа по полудни ввалится онъ ко мнѣ и до вечеренъ лежитъ на моемъ лонѣ, только и дѣлаетъ, что тѣшится со мной; и если ты, бѣдняжка, чрезъ полчаса не уйдешь отсюда, наступитъ твое горе и несчастье. Брунцвикъ всталъ и началъ Господу (Богу) молиться, чтобы онъ благословилъ помочь ему въ такихъ страстяхъ. И когда наступило урочное время, драконъ Василискъ повернулся въ своей пещерѣ, такъ что весь замокъ задрожалъ. Тогда дѣвица Африка сказала: Помни же, и не выходи: ты въ такой будешь опасности, о какой никогда не слыхивалъ, какой никогда не видывалъ. И въ ту минуту пошелъ (такой) крикъ, пискъ и шумъ змѣиный, что если бы четверо трубачей во всю силу трубили, ихъ не слыхать бы было изъ-за того писку и шуму. И когда со всѣхъ сторонъ повалило множество змѣй и ящеровъ большихъ и другихъ ядовитыхъ чудищъ, желавшихъ умертвить Брунцвика, онъ началъ защищаться отъ нихъ своимъ мечемъ, однимъ ударомъ пересѣкая ихъ по пятидесяти; и тѣмъ больше убивалъ ихъ, тѣмъ больше ихъ прибывало; одни были толщиною въ бревно, другіе дьявольскими голосами кричали. Брунцвикъ не обращалъ на это никакого вниманія, но мужественно бился съ ними, такъ что по поясъ въ ядѣ бродилъ; а левъ весьма сильно терзалъ ихъ и чрезъ окна выкидывалъ изъ замка. Драконъ Василискъ, видя, какъ убивали слугъ его, съ желаніемъ отмстить за нихъ, самъ полѣзъ въ золотой коронѣ, толстый какъ возъ², съ своими осьмнадцатью хвостами и змѣиными отростками, настолько острыми, что однимъ ударомъ пересѣкали большое бревно. Тутъ Брунцвика въ бою большая бѣда постигла,

1) Господинъ или супругъ: *moj rañ, Basiliskus.*

2) Ганка приводитъ вариантъ *drylině* (стр. 44), а въ перепечаткѣ изданія Крамеріуса только это послѣднее внесено въ текстъ (стр. 32).

(ибо) драконъ наносилъ ему такіе удары, что онъ часто падалъ лицомъ внизъ на землю¹. Тогда левъ занималъ его мѣсто и сильно бился съ тѣмъ дракономъ Василискомъ; а Брунцвикъ вставалъ и подбѣгалъ ко льву; такимъ образомъ они вѣрно помогали другъ другу, (и) отъ вечеренъ всю ночь до полудня бились съ дракономъ. Весь окровавленный, въ глубокомъ обморокѣ, Брунцвикъ лежалъ на землѣ. Левъ, увидя, что господинъ (его) уже лежитъ, страшно заревѣлъ отъ великой жалости; и началъ живо биться съ дракономъ и съ яростью обрывать его хвосты, пока не оборвалъ у него всѣхъ отростковъ. Съ страшною болью поднялся Брунцвикъ, и тутъ-то стали они удачнѣе бороться съ дракономъ, которому нечѣмъ уже было бить ихъ; а левъ разорвалъ его на куски, такъ что изъ него ручьи, какъ рѣки, побѣжали². И когда драконъ былъ убитъ, Брунцвикъ, сильно израненный, упалъ на землю; три дня и три ночи онъ не промолвилъ ни слова, а левъ все время въ жалости стоялъ надъ нимъ. Дѣвица Африка весьма соболѣзновала о немъ, и печально стояла надъ нимъ. Левъ, не зная, что тутъ дѣлать, немедля побѣжалъ изъ замка за кореньями. Нарывши кореньевъ, онъ принесъ ихъ въ пасти, а дѣвица Африка сдѣлала (изъ нихъ) лѣкарство, и Брунцвикъ въ девять дней вылѣчился. А потомъ Брунцвикъ и говорить той дѣвушкѣ: Ну, Африка, милая дѣвушка! изъ-за тебя я былъ въ большихъ затрудненіяхъ; такъ поторопись же весело отправиться къ своему отцу. Она же, объявши Брунцвика, отвѣчала: милѣйшій мой Брунцвикъ! я съ радостью желаю ѣхать съ тобой. И такъ, набравъ серебра и золота, и дорогого камня и драгоцѣнностей (клейнотовъ) на нѣсколько тысячъ, отправились они къ королю. Когда они добрались до замка, король съ великою радостью побѣжалъ навстрѣчу Брунцвику и своей дочери и, милостиво привѣтствуя его, сказалъ: здравствуй, милый сынъ, Брунцвикъ! Знай, что я желаю отдать (тебѣ) и дочь и все свое богатство.

1) У Гавки: a k zemi. . . padal (стр. 44); въ Vúbor'ѣ: až k zemi, etc. То же и въ перепечаткѣ Крамеріуса (стр. 32).

2) См. выше вариантъ изъ народнаго изданія, удержанный и въ изданіи Гавки (стр. 45).

И Брунцвикъ, хотъ и неохотно, согласился на это. И пробывъ съ ней нѣсколько времени, онъ все-таки думалъ о томъ, какъ бы добратъся до своей земли. Однажды, идя ночевать съ той дѣвицей, онъ заглянулъ въ одинъ старый подвалъ и увидѣлъ какой-то весьма старый мечъ безъ рукояти, и, взявъ его, началъ осматривать; мечъ былъ весьма остръ и понравился Брунцвику. И онъ, снявъ рукоятку съ своего меча, надѣлъ ее на старый мечъ и, вложивъ его въ свои ножны, свой мечъ оставилъ въ подвалѣ. Придя къ той дѣвицѣ, онъ спросилъ ее, что за мечъ былъ въ томъ подвалѣ? Услыхавъ, что онъ говоритъ о мечѣ, она встала рано утромъ, заперла подвалъ девятью замками, и опять легла возлѣ Брунцвика, говоря: Удивительно для меня, что ты видѣлъ тотъ мечъ; вѣдь ужъ нѣсколько лѣтъ ни одинъ мужчина его не видалъ. Ты подивился бы, если бъ зналъ, какую силу имѣетъ тотъ мечъ. А Брунцвикъ говоритъ: милая дѣвушка! ты можешь сообщить мнѣ, потому что мечъ въ твоей вѣдѣ власти. Дѣвица Африка отвѣчаетъ: если хочешь узнать, скажу (тебѣ): мечъ тотъ имѣетъ такую силу: если его вынешь изъ ноженъ и скажешь: одну голову, десять, двадцать, тридцать, сто, тысячу головъ долой! разомъ эти головы прочь слетятъ. Брунцвикъ смѣялся, слыша это, но принялъ къ свѣдѣнію. Затѣмъ какъ-то тѣ морскія чудища забрались въ комнату. (И) Брунцвикъ схватилъ мечъ, желая узнать истину (о немъ) и испытать его, вынулъ его изъ ноженъ и сказалъ: Ну, этимъ мечемъ первымъ чудищамъ головы долой! И въ (то же) мгновеніе (всѣ) головы, сколько ихъ ни было, прочь полетѣли, а онъ быстро побросалъ ихъ въ море; и такимъ образомъ убѣдился въ истинѣ. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, когда король со всѣми (придворными) за столомъ сидѣлъ, Брунцвикъ вынулъ мечъ и сказалъ: Ну, милый мой мечъ! этимъ чудищамъ, и королю съ дѣвицею всѣмъ головы долой; и тотчасъ въ то же мгновеніе головы всѣхъ внизъ поскакали. Тогда Брунцвикъ, набравъ мѣшки золота и дорогого каменія на много тысячъ, отомкнулъ желѣзные ворота, сѣлъ на корабль со львомъ и съ тѣмъ богатствомъ, и уѣхалъ. И снова въ его далекомъ странствованіи по морю довелось ему

плыть мимо одного острова, который назывался Трипатрита. И слышавъ звуки трубъ, бубновъ и различное пѣніе, онъ пожелалъ узнать, что тамъ было, и пошелъ на тотъ островъ. И пришедши туда, увидалъ много народа коннаго (и пѣшаго); одни кружились, другіе танцовали и всѣ вмѣстѣ веселились. Остановился Брунцвикъ и началъ дивиться тому. Тогда одинъ изъ нихъ, подойдя, сказалъ ему: О, Брунцвикъ! и какъ только попалъ ты къ намъ? Но какъ бы ты ни попалъ, тебѣ (придется) танцовать и оставаться съ нами. И подавъ Брунцвику руки, сильно ожегъ его. Брунцвикъ, увидавъ, что опять неладно, вынувъ мечъ, сказалъ: съ этого перваго голову долой! И тотчасъ такъ сдѣлалось. Увидали въ толпѣ (народа), что (одна) голова слетѣла, и многіе изъ толпы стали говорить: О, Брунцвикъ! этимъ не уйдешь ты отъ нашихъ рукъ; придется тебѣ танцовать съ нами, (придется) ѣздить съ нами на этихъ коняхъ. А были то Асмодеи черти, и тамъ мучились. Брунцвикъ, увидавъ, что его принуждаютъ (оставаться), взявъ мечъ, сказалъ: Ну, всѣмъ этимъ чертямъ головы долой! Тутъ снова у всѣхъ чертей головы прочь поскакали. А Брунцвикъ снова сѣлъ на корабль со львомъ и отправился. И снова на морѣ блуждалъ пятнадцать недѣль и опять ему стало очень грустно. И увидалъ онъ городъ весьма красивый, который сіялъ отъ золота и дорогаго каменія, такъ что заря отъ него по морю на десять миль виднѣлась. Брунцвикъ приплылъ туда и вошелъ въ городъ. Городъ тотъ назывался Эгбатанисъ; прекраснѣйшіе дома были въ немъ, а ни одного человѣка не было. И ходилъ онъ отъ одного дома къ другому, и всюду было яствъ и питія въ довольствѣ; накрыты были столы, и въ кухняхъ достаточно наготовлено кушанья. Брунцвикъ весьма дивился тому, что никого не видалъ въ томъ городѣ. Вдругъ, немного спустя, слышитъ онъ трубачей и бубенщиковъ, которые весьма громко трубили, и войско въѣзжало въ тотъ городъ; а были то Астріолы, то есть невидимки¹, жившіе въ томъ городѣ. Опять

1) Въ народныхъ изданіяхъ: to gest nevědomcy. Въ рук. XV вѣка: nevidomci; у Ганки: newidoci (стр. 49).

Брунцвикъ смекнулъ, что неладно, и началъ прохаживаться среди нихъ. Они же говорили ему: Бѣдняжка, Брунцвикъ! скажи, какимъ образомъ ты попалъ сюда? А онъ отвѣчалъ: какъ бы я къ вамъ ни попалъ, знаю одно, что не боюсь васъ. Тогда они, схвативъ его, повели предъ своего господина Астриола, который сказалъ: Или ты обѣщай намъ остаться съ нами навсегда, или я прикажу посадить тебя на огненнаго коня, и ты вѣчно на немъ будешь горѣть. Брунцвикъ отвѣчалъ: Лукавый Астриоль! твоихъ угрозъ я не боюсь. Я надѣюсь на своего Бога, помогавшаго мнѣ при великихъ ужасахъ и въ опасностяхъ; и отсюда (выбраться) онъ мнѣ поможетъ; а ты, злобный Астриоль, по дѣламъ (заслугамъ) своимъ долженъ здѣсь оставаться и останешься. Астриоль отвѣчалъ: гордъ ты, а всетаки я попытаю твою гордость. И приказалъ онъ привести огненнаго коня, и подскочили четверо, и начали тягаться съ Брунцвикомъ, желая посадить его на того коня. Брунцвикъ не могъ долѣе медлить, вынулъ мечъ и сказалъ: Ну, этимъ четверымъ головы долой! и головы тотчасъ же поскакали; а левъ подскочилъ и тотчасъ ихъ растерзалъ. Астриоль, видя что онъ не обманывается, позвалъ одинъ отрядъ войска. Тогда его обступилъ съ великимъ крикомъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ. Брунцвикъ снова сказалъ: Ну же, двадцати человѣкамъ, тридцати, сотнѣ, тысячѣмъ человѣкамъ головы долой! И тотчасъ же такой грохотъ отъ головъ пошелъ, что вся земля задрожала. Увидавъ это, Астриоль сказалъ: Опомнись, Брунцвикъ! опомнись ради своего Бога и спрячь мечъ! (въ ножны); обѣщай доставить тебя до твоей земли, только не убивай больше. Тогда Брунцвикъ сказалъ: Конечно я сдѣлаю это ради своего Бога, а не ради тебя, если ты исполнишь то, что (мнѣ) обѣщаешь, и безъ всяческихъ устрашеній и оскорбленій доставишь меня въ мою землю, со всѣмъ моимъ имуществомъ и со львомъ. Онъ ему больше еще обѣщавъ. Такъ и вышло: въ четвертокъ на разсвѣтѣ онъ высадилъ Брунцвика на границѣ (его земли) со всѣмъ его богатствомъ и со львомъ. Брунцвикъ, увидавъ себя предъ Прагою, одѣлся въ платье пустытника; и пошелъ со львомъ. Въ то время король Астрономусъ выдавалъ въ замужство дочь свою и жену Брун-

цвика Неоменію за нѣкоего Ассирійскаго князя, по имени Клеофашъ, такъ какъ минуло уже семь лѣтъ, какъ она не видала Брунцвика. Узнавъ объ этомъ, Брунцвикъ пошелъ въ замокъ, а съ нимъ и левъ. Когда онъ увидалъ свою королеву, сидѣвшую съ тѣмъ княземъ Клеофашемъ, ему стало весьма грустно; а все же онъ выжидалъ поры времени. По окончаніи столованья, принесли напитки въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, и посмотрѣвъ на личность Брунцвика, подали ему пить въ золотомъ сосудѣ, изъ котораго пилъ князь Клеофашъ съ княжной Неоменіей. А Брунцвикъ, снявъ съ руки перстень, вложилъ его въ золотой сосудъ и тотчасъ отправился изъ замка, почтивъ ихъ. И выходя изъ замка, написалъ надъ воротами, что тотъ, кто за семь лѣтъ предъ тѣмъ вышелъ, былъ (снова) въ замкѣ. И начали разсуждать между собою о томъ, кто бы это могъ быть? А королева, пряча золотой сосудъ, нашла (въ немъ) перстень, и узнала, что онъ принадлежалъ ея милому Брунцвику, и разсказала объ этомъ отцу своему, и тутъ-то пошли о немъ длинные разсказы. А князь Клеофашъ началъ отъ того весьма печалиться, самъ-тридцатый сѣлъ на коней, и погнался за Брунцвикомъ. И когда догналъ его, схватилъ и желалъ убить. Видя это, Брунцвикъ, вынувъ мечъ, сказалъ: съ жениха и слугъ его головы долой! Такимъ образомъ со всѣхъ головы полетѣли, а левъ остальное растерзалъ, а кони въ городъ побѣжали. Послѣ этого Брунцвикъ отправился въ одинъ замокъ и тайно пригласилъ туда земскихъ господъ. Тогда господа и земаны съ великою радостью приѣхали къ нему, какъ къ любимому своему господину, и поѣхали съ нимъ въ Прагу. А король Астрономусъ съ своею дочерью Неоменіей, узнавъ истину, съ великою радостію выѣхали къ нему на встрѣчу. Много и другихъ, и старыхъ и молодыхъ, выѣхало ему на встрѣчу. Тутъ-то великая радость была во всей землѣ, потому что князь ихъ льва доставилъ. Брунцвикъ всѣмъ разсказывалъ, сколько трудовъ ему было. Болѣе всего радовалась его милая королева Неоменія. Послѣ того Брунцвикъ приказалъ по всѣмъ городамъ объявить и льва на (городскихъ) воротахъ изображать, и на земской хоругви съ одной стороны бѣлаго льва въ

красномъ полѣ¹. Будучи сорока пяти лѣтъ, прижилъ онъ отъ своей королевы единственнаго сына, по имени Владислава, и въ преклонной старости дни свои скончалъ. А левъ отъ великой привязанности (вѣрности) и печали не хотѣлъ (послѣ него оставаться въ живыхъ, но заревѣлъ и умеръ). Слава въ вышнихъ Богу!

1) Такъ исправлено въ печатномъ текстѣ Вубог'а, а въ рук.: «žerého v čer-
ném», ближе къ русскому тексту; у Ганки: sžerého w čerweném poli (стр. 53); у
Крамеріуса: lva bílého v červeném poli (стр. 39).

поцѣту
и^и

История

О вѣнчаніи Короле бургундике
и о вѣнчаніи ея по разуму на
по оубо ходитъ по оубоце мо
рскѣ вѣнчаніи зперелѣмъ
по оубо и оубо оубо и оубо оубо
не оубо

Былъ въ пѣсней земли Король
бургундскій ерридрихъ королю оубо оста
лся после оубо оубо королю оубо
и оубо оубо оубо оубо оубо оубо
оубо оубо оубо оубо оубо оубо
оубо оубо оубо оубо оубо оубо
оубо оубо оубо оубо оубо оубо
оубо оубо оубо оубо оубо оубо
оубо оубо оубо оубо оубо оубо
оубо оубо оубо оубо оубо оубо
оубо оубо оубо оубо оубо оубо

Д
прос

17 я

И подрубенъ състо мѣхъ мѣсто
После смерти брянцкой немелу
никакой силы и бысть яко ипотия
мѣхъ слева смерти брянц
кой назо велий тосковатий и
тужити исттой великой жемати
нази и быдати и плакати и зогей
Ето яко речею слезъ потѣхоше
и по немелу слева побрянцке ве
лий поимелъ предстѣлицы
Резко было нази владѣтѣ и по
иже лѣ маробѣ брянцкой
Внало сти велииво
Скритѣ и члѣ и
такъ ско нѣ
та сѣ исто

руси сѣ
и

ГОНЕЦЪ

